

Цена № 10 коп.

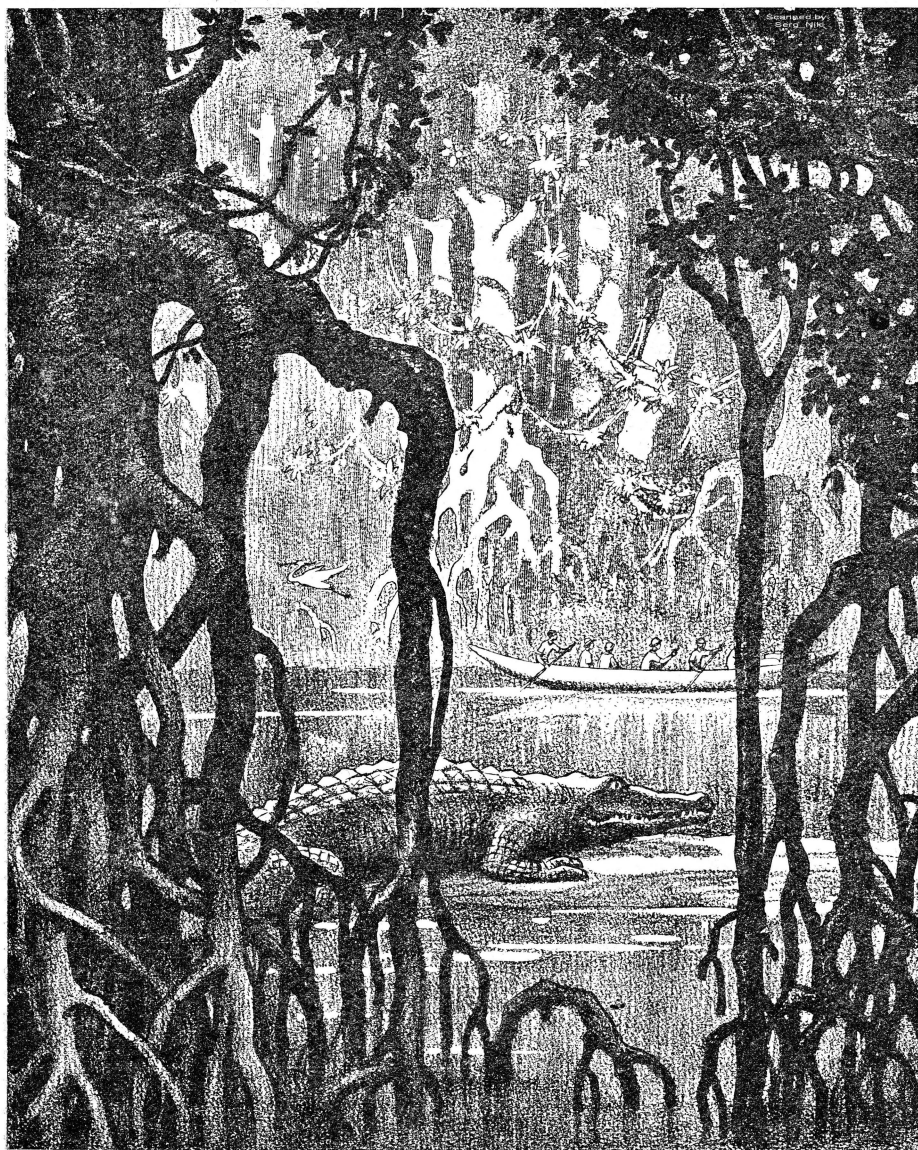
Приложение к журналу
„Ленинградский металлист“.

ВОКРУГ СВЕТА

1928 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 3

Страж каучукового дерева. ...Когда лодка экспедиции подходила к дереву, крокодил всегда оказывался рядом...

СТРАЖ КАУЧУКОВОГО ДЕРЕВА

(К рисунку на обложке)

Не так давно в Манаосе (город в Бразилии, на р. Амазонке) появился человек, рассказы которого сильно вызвали местных искателей каучука. Этот человек говорил, что в верховьях Рио-Негро он нашел такие новые каучуковые деревья, которые даже при плохой обработке всегда дают тот редкий и вожделенный для каждого промышленника сорт каучука. В подтверждение этот человек демонстрировал шесть огромных каучуковых шаров, действительно показывавших в разрезе изумительно тонкую и точную слоистость.

Сейчас же несколько экспедиций отправилось искать этот новый вид каучукового дерева. Но большинство из них, вернувшись в джунгли бразильских лесов, вернулись ни с чем. Счастливый друг оказался экспедиции одной из крупнейших американских компаний. С большими трудностями она поднялась по Рио-Негро до Кассикиаре и здесь приступила к планомерным обследованиям местности. Тяжелый, сырой климат, лихорадки, москиты, враждебно настроенные туземцы — все это сильно затрудняло работу экспедиции. Но самолюбие, настойчивость, а главное, желание заработать, удерживали американцев на месте.

Раз, уже близко к вечеру, один из участников экспедиции, Рислей, неслаппал на своем челноке по маленькому озеру, образованному разливающейся в этом месте Кассикиаре. По пути ему то-и-дело приходилось пробираться между деревьями, растущими здесь прямо из воды. Переплетенные лианами воздушные корни их образовывали кругом темные, сырые гроты. В лабиринте корей легко было заблудиться, и поэтому Рислей внимательно смотрел по сторонам.

Вдруг его взгляд остановился на толстом стволе, наклонно высовывающемся из воды. Задержав челнок и подбравшись, американец с радостью увидел, что это как раз и есть то дерево, которое они так долго ищут.

Запомнив хорошенько место, Рислей вернулся к товарищам, и на следующий день вся экспедиция, торжествуя, отправилась в большую лодку к найденному дереву, чтобы взять с него пробу каучука.

Но торжество членов экспедиции продолжалось недолго. Когда лодка уже совсем подходила к дереву, вода около нее вдруг как-то странно забулдила, и из

реки на людей выглянула длинная темная морда с парой немигающих маленьких глаз. Выглянув, она сразу скрылась.

— Крокодил! — испуганно воскликнули в один голос гребцы-индейцы. Рислей выдернул из-за пояса револьвер, но выстрелить он не успел. Вода вновь забулдила, на этот раз уже под самым бортом, и в следующее мгновение сильнейший удар в дно лодки заставил ее низко наклониться на один бок. Все в страхе уцепились за свои скамейки. Не успела лодка как следует выпрямиться, как второй удар подбросил ее на добрый фут из воды. От ужаса один гребец потерял равновесие и, падая за борт, перевернулся лодку. Все очутились в воде.

Место было неглубокое, и все окончилось бы благополучно, если бы крокодил не возобновил нападение, в результате которого у капитана экспедиции оказался сломан лодочный весло, а один индеец даже потерял кусок мяса на палке. Необходимо было перевязать раненых, и поэтому все вернулись на бивуак, не сумев взять пробы с дерева.

На следующий день попытку повторили. Индейцы отказались грести, и на лодке поехали одни американцы. Все думали, что крокодил уже ушел с этого места, и были спокойны. Но дело кончилось тем же.

Незаметно поднырнув под лодку, крокодил перевернул ее с еще большей легкостью, чем накануне. Когда же настоячивые американцы попытались хоть по пояс в воде добраться до дерева, то у одного был стащен с ноги башмак, а другой получил такой удар от хвоста крокодила, что долго не мог опомниться. И опять пришлось вернуться ни с чем.

Такие попытки повторяться все чаще и чаще. И все они кончались одинаково. Это была настоящая война. Как только кто-нибудь подъезжал к дереву, крокодил сейчас же оказывался здесь, неизменно перевертывая лодку, а потом кусал за ноги людей, оказавшихся в воде, и вынуждал их к отступлению. В крокодила стреляли, его пытались поймать в сеть, клали ему отравленную приманку, но все было напрасно. Страж каучукового дерева оставался на своем месте. Сувейные индейцы решили, что это не крокодил даже, а какой-то бог, и что дерево — священное. Но американцы были другого мнения. Убедившись, что таких деревьев поблизости больше нет, и что только здесь можно взять пробу нового сорта,

они считали смешным бросать работу из-за крокодила и продолжали все с таким же успехом атаковать дерево.

В конце концов и им это занятие надоело. Да и нельзя было рисковать так часто жизнью участников экспедиции. Тогда один из них предложил другой план. Он хотел издалека набросить на это не дававшееся им дерево веревку и попытаться сломать его. Сказано — сделано.

Дерево оказалось трухлявым и легко повалилось, но когда его подтащили к другому, соседнему дереву, на котором сидели американцы, опять появился крокодил, с невероятной быстротой подпрыгнул из воды в воздух и, схватив зубами веревку, в одно мгновение перекусил ее. Все же Рислею удалось зацепить дерево топором и подтащить его. И тогда все увидели причину такого странного поведения крокодила, беспокоившего их в продолжение двух недель: в дереве между корнями оказалось очень большое дупло, такое, что там мог свободно поместиться крокодил, и в этом дупле лежало несколько пар крокодиных яиц. Не подпуская людей к каучуковому дереву, крокодил защищал свой дом.

Пока американцы делали надрезы на стволе и торопились взять хоть немного драгоценного сока для пробы, крокодил все время плавал около них и то-и-дело высывал из воды свою длинную морду...

На другой день экспедиция уезжала домой. Ее лодка, тяжело нагруженная образчиками каучукового сока, медленно двигалась по реке. Вдруг Рислей, все время беспокойно оглядывавшийся по сторонам, в ожидании нападения крокодила, воскликнул:

— Смотрите, смотрите! Это он!

Все повернули головы. По середине реки плыло большое дерево. В нем без труда можно было увидеть то каучуковое дерево, которое так нелегко досталось экспедиции. И на дереве неподвижно лежал огромный крокодил. Он не пожелал покинуть свой разоренный людьми дом и вместе с ним отправился в невольное путешествие по течению реки.

Посмотрев на крокодила в бинокль, Рислей сказал:

— Он очень лод на нас смотрит.

И после этих слов гребцы сильно прибавили ходу...

В. Б.

УЧИТЕСЬ ДОМА

БУХГАЛТЕРИИ

Преподавание ведется путем высылки спец. составлен. уроков, задач, упражнений, и дополнит. разъяснений на запросы учащихся. Полная подготовка к службе в качестве бухгалтера или счетовода.
Подробн. сведения высыл. за 6-8 коп. марки.
Письма адресовать преподавателю коммерческих наук А.А. БУНИНУ, Ленинград, 22, Лактинская ул. 32/17.

„БЫСТРОСЧЕТ“

искусство производить в уме вычисления с быстротой мыслей. Составил французский проф. Л. РИШАР. Цена с перес. 1 р. 30 к. Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/12. Книжки. Дедо, „Провосвещение“

24 КНИГИ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

24 книги в месяц, всего за год около 4.000 страниц. УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ РОМАНЫ: А. Дюма, Ч. Диккенса, В. Скотта, Р. Хаггарда, Г. Эберса, В. Гюго и др. популярных авторов.

1 А. Дюма, „РАЗГРОМ“ 1 (около 300 стр.)

4 № 4 „Женского Журн.“ 4 „Четыре Сезона“ 4

12 МНОГОКРАСочных 12 КАРТИН 12

Должностное РАСПРОСЧЕТ: При подписке — 4 руб., 15 марта — 3 руб. 50 к., к 15 июня — 3 руб. и к 15 сентября — 2 руб.

КАНДЫЙ 1 (около 300 стр.)

12 № 12 „Женского Журн.“ 12 „Четыре Сезона“ 12

12 МНОГОКРАСочных 12 КАРТИН 12

Должностное РАСПРОСЧЕТ: При подписке — 4 руб., 15 марта — 3 руб. 50 к., к 15 июня — 3 руб. и к 15 сентября — 2 руб.

1 том (около 600 стр.) 1 „Женского Журн.“ 1 „Четыре Сезона“ 1

12 № 12 „Женского Журн.“ 12 „Четыре Сезона“ 12

12 МНОГОКРАСочных 12 КАРТИН 12

Должностное РАСПРОСЧЕТ: При подписке — 4 руб., 15 марта — 3 руб. 50 к., к 15 июня — 3 руб. и к 15 сентября — 2 руб.

„ВОКРУГ СВЕТА“

путешествия и приключения на море, суше и в воздухе.

Полный комплект журнала за 1927 г. (12 №№ — около 200 стр. большого формата) высылаются по получении ОДНОГО рубля.

Отд. номера — по 10 коп.

Налож. платеж. не высылаются

Заказы направлять в контору журнала: Москва, центр. Ильинка, 15, Акц. Изд. О-во „ЗИФ“.

„ЗОСНЕЙ“

по 2-му абонементу.

По 1-му абонементу (за 8 руб. в год) подписчики „30 ДНЕЙ“ получат все вышеперечисленное за исключением „БИБЛИОТЕКИ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ“.

ВОПРОСЫ СВЕТА

1928 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 3

6р. в год за экз. журнал "Всем. Следопыт" с прил. 24 экз. "Вокруг Света", 12 экз. "Всем. Турист" и 12 многосер. табл. "Народы СССР" на обл. журн. За границу посылать табл. выше на 50 %. За доставку адреса — 20 коп.

Редакция и контора "Всемирного Следопыта" и "Вокруг Света": Москва, Ильинка, 15.

Подписка на журнал "Всемирный Следопыт" (только со всеми приложениями, по Гичи Набон) принимается в конторе журнала (Москва, Ильинка, 15) и во всех почтовых отделениях, а также писемнооплатами.

Объявления в "Вокруг Света" принимаются в конторе журнала (Москва, Ильинка, 15, тел. 3-82-30) по 2 р. за строку непрерывной тексты. При многократном печатании — скидка по соглашению.

СОДЕРЖАНИЕ: Человек-амфибия. Научно-фантастический роман А. Беляева (продолжение). — Предательский груз. Из жизни охотника-полюсника. Рассказ В. Белого о о-ве. — Мести. Рассказ В. Белого о о-ве. — Жюль Верн. К столетию со дня рождения. Очерк Я. Перельмана (окончание). — Колон альпийский быт на марках. Уголок филателиста. — Путешествия и путешественники. — По с ветской земле.

10р. в год журн. "Всем. След." с прил. экз. указ. (сверх указ. слова) 24 экз. поли. собр. соч. Д. Л. Н. Д. (полн. собр. соч.) РАСПРОЧКА: при подписке — 3 р.; к 15 марта — 3 р., к 15 июня — 2 р., к 15 ноября — 3 р.

ЧЕЛОВЕК — АМФИБИЯ

Научно-фантастический роман А. Беляева

(Продолжение)

Рисунки худ. А. Шпир

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ: В южной Америке, на побережье Атлантического океана, недалеко от г. Буэнос-Айреса появилось неизвестное существо, вызвавшее страх на рыбаков и искателей жемчуга. Никто не видел этого существа, но слухи его находились повсюду: кто резал рыбацкие сети, сбрасывая ночью рыбу с лодок и т. п. На приближение некоей опасности следы ступней с отпечатками когтей. Старые индейцы уверяли, что это — морской бог, выходящий раз в тысячу лет, чтобы восстановить поруганную справедливость. Иные утверждали, что это "морской дьявол". Белье о "дьяволе" дошло до Буэнос-Айреса. Береговая полиция и научная экспедиция собрали новые следы, оставленные дьяволом, но его самого не встретили.

Однажды ночью на шхуне "Медуза", принадлежащей промышленности — ловцу жемчуга испанцу Педро Зурита, находившийся индеец Балтазар услышал странный звук трубы, не похожий ни на один из знакомых ему звуков. Матросов охва-

тыгаст ужас, и они требуют, чтобы ловца жемчуга был перенесен в другое место.

Зурита пришлось подчиниться. На новом месте ирландцы-индейцы был достигнут акулой. Но в тот же момент появилось какое-то чудовище с огромными выпуклыми глазами, блестящими лапами и рыбьей серебристой чешуей; оно вспарывает акулу брюхо. Едва живой от страха, ирландец был извлечен из воды. Зурита не доверяет его рассказу. Однако, морской дьявол неожиданно появляется на поверхности воды, верхом на дельфине. "Дьявол" протрубит в длинную, витую раковину и крикнул на испанском языке, обращаясь к дельфину: «Скорей, Лидинг, скорей!» Испуганные искатели жемчуга поднимут якорь, и шхуна поспешно уходит на север.

У Зурита возникает мысль: если "дьявол" может говорить по-испански, то он существо разумное. "Дьявол", видимо, может жить над водой и под водой. Если бы удалось поймать "дьявола" и приспособить его к лову жемчуга, то можно нажить миллионы. И Зурита обдумывает план захвата "дьявола". По заказу Зурита изготовляются особые сети из проволоки, "дьявол" улетает исследовать и поймав в сеть. Но в последний момент он прорывает сеть и улетает. Зурита достает водолазные костюмы и спускается с Балтазаром на дно залива. Они находят пещеру, закрывающуюся в глубине железной решеткой. Новая загадка... Зурита решает напечатать посылку в иную сторону. Нет ли выхода из подводной пещеры на берег? Над заливом находится окруженная толстыми каменными стенами усадьба профессора Сальватора. Зурита находит справки и узнает, что профессор Сальватор — хирург, прославившийся своими операциями. Он оставил профессору, унаследован в свое виллу, занимается научными исследованиями и лечит только индейцев, которые называют его богом и чудотворцем, воскрешающим мертвых. Зурита делает попытку проникнуть к Сальватору под видом больного, но его не пускают даже во двор. Тогда Зурита решает изменить план и действовать окольным путем.

В. Подаренная жизнь.

По пыльной дороге, вдоль тучных полей пшеницы, кукурузы и овса шел старый, изможденный индеец. Одежда его была изорвана. На руках он нес больного ребенка, прикрывая его от жгучих лучей солнца стареньким одеялом. Глаза ребенка были полузакрыты. На горле виднелась огромная опухоль. От времени до времени, когда старик останавливался, ребенок хрипло стонал и приоткрывал веки, опущенные длинными, черными ресницами. Старик останавливался и заботливо дул в лицо ребенка, чтобы освежить его.

Только бы довести живым! — прошептал старик, ускорив шаги.

Подойдя к железным воротам, индеец перевернул ребенка на левую руку и ударил в железную калитку четыре раза.

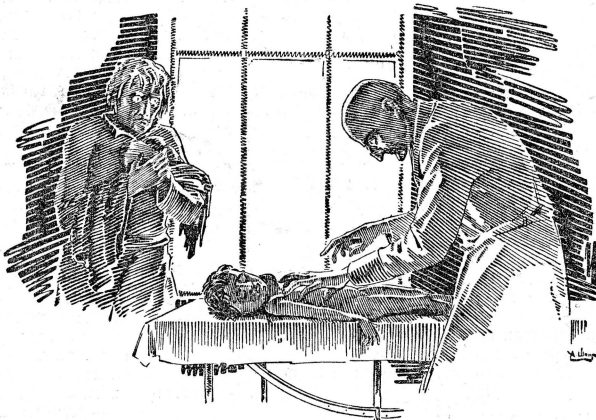
Волчок в калитке открылся, чей-то

глаз мелькнул в отверстии, закрипели засовы, и калитка открылась.

Индеец робко переступил порог. Перед ним стоял одетый в белый халат старый негр с белыми курчавыми волосами.

— К доктору... Ребенок больной, — сказал индеец.

Негр молча кивнул головой, запел дверь и махнул рукой.

Сальватор начал прощупывать опухоль на горле ребенка. Его пальцы были необычайно подвижны и, казалось, могли сгибаться в суставах не только вниз, но и вверх.

Когда дошла очередь, негр в белом халате подошел к индейцу с ребенком и жестом пригласил его следовать за собой.

Индеец осматрелся. Они находились на небольшом дворе, устланном широкими каменными плитами. Этот двор был обнесен с одной стороны высокой, наружной стеною, а с другой — стеною пониже, отгораживавшей двор от внутренней части усадьбы. Ни травы, ни кустика зелени, — настоящий тюремный двор. В углу двора, у ворот второй стены, стоял белый дом, с большими, широкими окнами. Возле дома на земле расположились несколько индейцев — мужчин и женщин. Некоторые из них были с детьми. Все они пришли сюда за исцелением.

Индеец вошел в большую комнату, с полом из каменных плит. Посреди комнаты стоял узкий, длинный стол, покрытый белой просты-

гей. Открылась вторая дверь, застеленная матовыми стеклами, и в комнату вошел доктор Сальватор, в белом халате, — высокий, широкоплечий, смуглый. За исключением черных бровей и ресниц, на голове Сальватора не было ни одного волоса. Он брил не только усы и бороду, но и волосы на голове. И брил, видимо, постоянно, так как кожа на голове была покрыта таким же загаром, как и лицо. Довольно большой нос с горбинкой, несколько выдающийся, острый подбородок и плотно сжатые губы придавали лицу жесткое и даже хищное выражение. Карие глаза смотрели холодно и с каким-то жадным любопытством. Индейцу стало не по себе под этим взглядом, который, казалось, пронизывал человека насквозь, прощупывал каждый мускул, каждый орган, врезался, как скальпель, анатомический.

Индеец низко наклонился и протянул ребенка. Сальватор быстрыми, уверенными и в то же время осторожными движениями взял больную девочку из рук индейца, развернул тряпки, в которые был завернут ребенок, бросил их на руки индейца, положил девочку на стол и наклонился над нею. Он стал в профиль к индейцу. И индейцу вдруг показалось, что это, не доктор, а кондор наклонился над горлицей... Еще минута, и кондор вонзит когти и острый клюв в маленькое тело...

Сальватор начал прощупывать пальцами опухоль на горле ребенка. Эти пальцы также поразили индейца. Они были длинные, но опухшие и красные от постоянного обмывания спиртом. Главное же — пальцы были необычайно подвижны. Казалось, они могли гнуться в суставах не только вниз, но и вбок и даже вверх. Как будто руки Сальватора оканчивались двумя клубками красных змей, находившихся в постоянном движении. Далеко не робкий индеец напрягал все усилия, чтобы не поддаться чувству страха, который внушал этот необычайный человек.

— Прекрасно... Великолепно... — говорил Сальватор, как будто любясь опухолью и перебирая ее пальцами, как опытный музыкант струны инструмента. Окончив осмотр, Сальватор повернул лицо к индейцу и сказал:

— Сейчас новолуние. Приходи через месяц, в новолуние, и ты получишь свою девочку здоровой. — И, ухватив ребенка, как коршун, он унес ее за стеклянную дверь, где помещались ванная и операционная.

А негр уже вводил в комнату новую пациентку — старую индейку с большой ногой.

Индеец низко поклонился стеклянной двери, закрывшейся за Сальватором, и вышел со смешанным чувством ужаса и преклонения перед доктором...

Ровно через двадцать восемь дней открылась та же стеклянная дверь, и навстречу индейцу выбежала девочка. Он схватил ее на руки, расцеловал, осмотрел горло. От опухоли не осталось следа. Только небольшой, едва заметный красноватый шрам напоминал об операции. Следом за девочкой вышел Сальватор. На этот раз лицо его не показало индейцу хищности. Доктор даже улыбнулся и, потрепав курчавую головку девочки, сказал:

— Ну, получай твою девочку. Ты во-время принес ее. Еще бы несколько часов, и даже я не в силах был бы вернуть ей жизнь.

Лицо старого индейца покрылось морщинами, губы задрожали, из глаз полились слезы. Прижимая ребенка к груди, индеец вдруг упал на колени перед Сальватором и прерывающимся от слез голосом сказал:

— Вы спасли жизнь моей внучке, а в ней и моя жизнь. Что может предложить вам в награду бедный индеец, кроме своей жизни?

Сальватор поднял брови.

— На что мне твоя жизнь?

— Я знаю, я стар, но я еще силен, — ответил индеец, не поднимаясь с пола. — Я отнесу внучку к матери — моей дочери — и вернусь к вам. Я хочу отдать вам весь остаток дней моих за то добро, которое вы мне сделали. Я буду служить вам, как преданная собака. Прошу вас, не откажите мне в этой милости.

Сальватор задумался. Он очень неохотно и осторожно брал новых людей. Хотя работа нашлась бы. Да и немало работы, — Джим не справляется в саду. Доктор предпочел бы негра, но и этот индеец кажется человеком подходящим.

— Ты даришь мне жизнь и прощаешь, как о милости, принять твой подарок. Хорошо. Будь по-твоему. Когда ты можешь притти?

— Еще не окончится первая четверть луны, как я буду здесь, — сказал индеец, целуя край халата Сальватора.

— Как твое имя?

— Мое?.. Кристо, — Христофор.

— Ну, иди, Кристо. Я буду ждать тебя.

VI. Сад чудес.

Когда Кристо явился через неделю, доктор Сальватор положил ему на плечо руку, сосредоточенно посмотрел в глаза и сказал:

— Слушай внимательно, Кристо. Я беру тебя на службу. Ты будешь получать готовый стол и хорошее жалованье...

Кристо замахал руками.

— Мне ничего не надо, сеньор, только бы служить у вас.

Но Сальватор крепко сжал ему плечо, близко придвинул свое лицо к лицу индейца и продолжал:

— Молчи и слушай. Ты будешь обеспечен всем. Но я ставлю одно неперемное условие. Ты должен молчать о всем, что увидишь здесь.

— О, сеньор! Скорее я отрежу свой язык и брошу его собакам, чем скажу хоть одно слово.

— Смотри же, чтобы с тобой не случилось такого несчастья, — загадочно сказал Сальватор. И, вызвав негра в белом халате, доктор сказал:

— Проводи его в сад и сдай на руки Джиму.

Негр молча поклонился, вывел индейца из белого дома, в котором доктор обычно принимал больных, провел через знакомый уже Кристо двор и постучал в железную калитку второй стены.

Из-за стены послышался лай собак, калитка скрипнула и медленно открылась; негр толкнул Кристо за калитку, что-то гортанно крикнул другому негру, стоявшему за калиткой и ушел.

Кристо в испуге прижался к стене: с лаем, похожим на рев, к нему бежали огромные собаки красновато-желтого цвета, с темными пятнами. Если бы Кристо встретился с ними в пампасах, он ни на одну минуту не сомневался бы, что это ягуары. Но бежавшие к нему звери со шкурой ягуара даили по-собачьи. Однако, Кристо не было времени заниматься определением видов. Он бросился к соседнему дереву и начал взбираться по сукам с быстротой и ловкостью, которых нельзя было от него ожидать. В то же время негр зашипел на собак, как рассерженная кобра. Этот звук произвел на собак магическое действие. Они перестали лаять, легли на землю и положили головы на вытянутые лапы, искоса поглядывая на негра.

Негр опять зашипел, — на этот раз обращаясь к Кристо, сидевшему на дереве, и замахал руками, приглашая индейца слезать.

— Что ты шипишь, как змея? — сказал Кристо, не оставляя своего убежища. — Язык проглотил?

Негр сердито замычал и вновь замахахал руками.

«Немой» — с удивлением подумал Кристо. И ему вспомнился разговор с Сальватором. Когда Кристо сказал, что готов отрезать себе язык, Сальватор ответил: «Смотри, чтобы с тобой не случилось такого несчастья». Что он хотел этим сказать? Неужели Сальватор вырезает языки у слуг, которые выдают его тайны? Быть может, и у этого негра вырезан язык?.. Кристо неудержимо захотелось бежать отсюда как можно скорее. Он даже измерил глазом расстояние, отделявшее дерево, на котором он сидел, от стены. Нет, не перепрыгнуть... А негр подошел к дереву и, ухватив индейца за ногу, нетерпеливо дернул ее вниз.

Сад был наполнен всевозможными широкими и узкими листьями, глянцевыми и матовыми, гладкими и необычайно галды, являлись и птицы: собаки с кошачьими головами, гуси с индюшечьими головами, рычатые кошки, страусы-панды с кожными олов, бараны с телом пумы; с дерева спускался змея с двумя головами. Кристо и испуг отпрыгнул в сторону от этого зашисенного пресмыкающегося...

Приходилось покориться участи. Кристо спрыгнул с дерева, собрал морщины с лица в самую любезную улыбку, которую только мог выжать на своем старом лице, протянул руку и дружески спросил:

— Джим?

Негр утвердительно кивнул головой.

— Кристо! — сказал индеец, стукнув себя по груди кулаком, и крепко пожал руку негра. «Уж если попал в ад, надо заручиться чортовой дружбой», — думал он и продолжал влук:

— Ты немой?

Негр не ответил. Кристо высунул язык и цинкнул по нем пальцем.

— Языка нет?

Негр молчал попрежнему.

«Как бы загнать ему в рот?» — думалось Кристо. Но Джим, видимо, не намерен был вступать даже в минимальный разговор. Он взял Кристо за руку, подвел к красно-рыжим зверям, что-то прошепел им. Звери поднялись, подошли к Кристо, обнюхали его и спокойно отошли. «Познакомись!» — у Кристо немного отлегло от сердца.

Махнув рукой, Джим повел Кристо осматривать сад.

После унылого двора, уложенного камнями, этот сад поражал своей роскошью. Он шел, постепенно понижаясь, на восток, по направлению к берегу моря. Прекрасно содержимые дорожки, посыпанные красноватыми измелченными раковинами, расходились в разные стороны. У дороги были посажены причудливые кактусы и голубо-зеленые сочные агавы, поднимавшие, подобно канделябрам, метелки с бесчисленным множеством желтовато-зеленых цветов; целые рощи персиковых и оливковых деревьев прикрывали своею тенью густую траву, в темной зелени которой пестрели яркие цветы. Как зеркала, сверкали среди зелени травы водоемы, выложенные по краям белыми камнями. Высокие фонтаны осекали воздух.

Сад был наполнен разноголосыми криками, пением и щебетанием птиц, ревом, писком и визгом животных.

Кристо переходил от удивления к ужасу. Никогда ему не приходилось видеть столь необычайных птиц и животных.

Вот, сверкая медно-зеленой чешуей, перебежала дорогу шестиногая ящерица. С дерева свисала змея с двумя головами. Кристо в испуге отпрыгнул в сторону от этого двухголового пресмыкающегося, зашипевшего на него двумя красными пастьми. Негр ответил змее более

громким шипением, и змея, помахав в воздухе головами, развернула кольца, сползла с дерева и скрылась в густые заросли тростника. Еще одна длинная змея уползла с дорожки при виде Кристо, цепляясь двумя лапками. За проволоочной сеткой хрюкал поросенок. Он устался на Кристо единственным, большим глазом, сидевшим посреди лба. Пара лам промчалась по поляне, помахивая лошадиными хвостами. Из травы, из зарослей кустарников, с ветвей деревьев глядели на Кристо необычайные гады, звери и птицы, чудовищное соединение в одном теле разных видов животных. Собаки с кошачьими головами, гуси с петушиной головой, рогатые кабаны, страусы-панду с клювами орлов, бараны с телом пумы...

Кристо казалось, что он бредит, что его одолевают кошмары. Он противился, мочил голову холодной водой фонтанов, но кошмары не исчезали. В водоемах он видел змей с рыбьей головой и жабрами, рыб с лягушечьими лапами, огромных жаб с телом, длинным, как у ящерицы...

И Кристо вновь охватило желание бежать отсюда.

Как бы давая отдых его напряженным нервам, Джим вывел Кристо на широкую площадку, усыпанную золотистым песком. Посреди площадки, окруженная пальмами, стояла вилла из белого мрамора, выстроенная в мавританском стиле. Сквозь стволы пальм виднелись изящные арки. Медные фонтаны, в виде дельфинов, выбрасывали каскады воды в прозрачные водоемы, с резвящимися в них золотыми рыбками. Самый большой фонтан перед главным входом изображал прекрасного юношу, сидящего, подобно мифическому тритону¹⁾, на дельфине, с витым рогом у рта. Эта группа, созданная руками хорошего художника, поражала своей живостью, стремительностью застывших в меди движений юноши и дельфина.

За villой находилось несколько каменных построек — дома для слуг и амбары, — а дальше шли густые заросли колючих кактусов, доходившие до белой стены.

«Опять стена!» — подумал Кристо.

Джим ввел индейца в небольшую, прохладную комнату, жестами объяснил, что эта комната предоставляется ему, и удалился, оставив Кристо в состоянии полного обалдения.

¹⁾ Тритон — в греческой мифологии — сын Посейдона (бога моря); часто изображался в виде человека, сидящего в устье раковины в руке на дельфине.

VII. За третьей стеной.

С течением времени Кристо привыкал к тому необычному миру, который окружал его. Все звери, птицы и гады, наполнявшие сад, были хорошо приручены. С некоторыми из них у Кристо завязалась даже дружба. Собаки со шкурой ягуара, так напугавшие его в первый день, ходили за ним по пятам, лизали ему руки, ласкались. Ламы брали у него хлеб из рук. Попугаи слетали на плечо.

За садом и зверями ухаживали двенадцать негров, таких же молчаливых или глухих, как и Джим. Кристо никогда не слышал, чтобы они разговаривали даже друг с другом. Каждый молча делал свою работу. Джим был чем-то вроде управляющего. Он наблюдал за неграми и распределял их обязанности. А Кристо, к его собственному удивлению, был назначен помощником Джима. Работы у Кристо было не так уж много, кормили его хорошо. И он не мог жаловаться на свою жизнь. Одно его беспокоило — это зловещее молчание негров. Мысль, что Сальватор отрезал всем им языки, не оставляла Кристо. И когда Сальватор изредка вызывал Кристо к себе, у бедного индейца всякий раз холодело сердце: «язык резать!» — думал он.

Впрочем, Кристо вскоре несколько успокоился за целостность своего языка. Старый Джим очень любил опьяняющий напиток — пульэк, который он сам добывал из сахарного сока агавы²⁾, подзергая его брожением. Однажды Джим, после хорошей порции пульэк, уснул в тени оливковых деревьев. Он лежал на спине, раскрыв рот. Кристо воспользовался этим, осторожно раскрыв суком рот спящего еще шире, и убедился, что язык старого негра находится на месте.

День Сальватора, как и всех, работавших у него, был строго распределен. От семи до девяти утра доктор принимал больных индейцев, с девяти до одиннадцати оперировал, а дальше уходил к себе в виллу и занимался там в лаборатории. Кристо, приглашаемый иногда для уборки в доме, поражался роскошью и величием огромных мавританских

²⁾ Агава — растение из семейства агавилловых с мясистыми, большей частью колючими, листьями, расположенными розеткой. Род агавы содержит до 50 видов (Южная Америка, Мексика и южная часть С. Америки). Из корней добывается лекарство, листья идут в пищу (молодые) и на кровлю. Из сока листьев добывается опьяняющий напиток.

зал, с фонтанами среди пола, устланного у стен дорогими коврами. Но еще больше удивили Кристо лаборатории. Скорее их можно было назвать музеем. Питаемые физиологическим раствором, там пульсировали сердца людей и животных. Отрезанные руки и ноги продолжали жизнь, искусственно поддерживаемую. Иногда эти живые отрезки тела заболели, и Сальватор лечил их, восстанавливая угасающую жизнь. Однажды Кристо был перепуган трупом мальчика-индейца. Это тело, лишенное сердца и сознания, продолжало жить. Мало того, — когда Сальватор пропускал сквозь труп электрический ток, — руки и ноги трупа судорожно подергивались.

На Кристо все эти шевеления покойники нагоняли тоску. Он пред-

почитал находиться среди живых уродов в саду.

Несмотря на все большее доверие, которое Сальватор оказывал индейцу, для него было запретным то, что творилось за третьей стеной. А между тем, это очень интересовало его. Подходя в полдень, когда все отдыхали, к высокой стене, Кристо слышал доносившиеся из-за стены детские голоса. И что особенно удивляло его, он улавливал индейские слова. Иногда в детские голоса вмешивались чьи-то еще более тонкие, визжащие и как будто спорившие с детьми на каком-то непонятном наречии.

Наконец, случай помог Кристо проникнуть и за эту загадочную третью стену.

Однажды Сальватор встретил Кристо в саду, подошел к нему и, глядя пронизывающе прямо в глаза, сказал.

— Ты уже месяц работаешь у меня, Кристо, и я доволен тобой. В нижнем саду заболел один из моих служащих. Ты заменишь его. Ты увидишь новые вещи. Но помни наш уговор: крепко держи язык за зубами, чтобы не потерять его...

— Я уже почти разучился говорить среди ваших немых слуг, сензор, — ответил Кристо.

— Тем лучше. Молчание — золото. Чем крепче ты будешь молчать, тем больше ты получишь золотых

пезо. Я надеюсь через две недели поставить на ноги моего больного слугу. А потом... Кстати, ты хорошо знаешь Анды? 1).

— Я родился в горах, сензор.

— Тем лучше. Мне нужно будет пополнить мой зверинец новыми животными и птицами. Я возьму тебя с собой. А теперь иди. Джим проводит тебя в нижний сад.

Кристо уже привык к неожиданным. Но то, что он увидел в нижнем саду, еще раз поразило его своей необычайностью.

На большом, освещенном солнцем лугу резвились обезьяны и голые дети. Все дети, как заметил Кристо, принадлежали к различным индейским племенам. Среди них были и совсем маленькие, не более трех лет, и двенадцати-тринадцатилетние подростки. Каждый из них обладал какой-нибудь странной особенностью. У одних имелись длинные обезьяньи хвосты. Хвостатые дети прекрасно владели этим придатком: они оттягивали хвостом мух, пускали его в ход, как плеть, во время драки закручивали хвост кольцом, убегая друг от друга.

У нескольких детей ноги и руки были как будто выворочены в суставах. Эти дети могли гнуть руки в локте в любом направлении и вертеть руку в локтевом суставе с той же подвижностью, как и кистью руки. Иные могли заворачивать голову и ноги в обратную сторону и бежать с одинаковою скоростью как вперед, так и назад, не поворачивая туловища. Наконец, были дети с необычайно развитыми ногами. Они делали, без разбега, гигантские прыжки, не менее двух с половиной метров высоты и четырех метров длины. Все эти странные дети прятали свои незамысловатые игрушки — цветные камушки и раковины — в карманы, имевшиеся в их собственной коже на боку и груди. Кристо заметил, что у одного ребенка кожа левой ноги была значительно более правой.

Не менее странными существами были и обезьяны. Если некоторые дети обладали хвостами, то многие обезьяны, наоборот, были лишены этого украшения. У большинства обезьян на теле совершенно не было шерсти. Их гладкие тела отличались только различной окраской кожи. И Кристо не мог определить, — были ли это действительно обезьяны, или люди.

Удивительнее же всего было то, что все эти обезьяны, — одни лучше, другие хуже, — умели говорить. Они-

На большом, освещенном солнцем лугу резвились обезьяны и голые дети. Каждый из них обладал какой-нибудь странной особенностью...

1) Горная цепь Южной Америки.

то и вступали с детьми в споры, бранясь визжащими тонкими голосами. Но, в общем, они мирно уживались с детьми и ссорились с ними не больше, чем дети между собой.

«Если негры молчат, как рысы, то каждая обезьяна здесь говорит за троих» — размышлял индеец.

Кристо обошел весь сад. Он был меньше, чем верхний, и еще более спускался по направлению к заливу, упираясь в отвесную, как стена, скалу.

Море было недалеко за этой стеной: судя долетали звуки морского прибоя.

Обследовав через несколько дней эту скалу, Кристо убедился в том, что она искусственная. Четвертая стена охраняла какую-то новую тайну Сальватора. В густых зарослях глициний Кристо обнаружил низкую железную дверь, выкрашенную под серый цвет скал, совершенно сливавшийся с ними.

Кристо прислушался. Но, кроме шума прибоя, он ничего не слышал. Что находится за этой скалой? Куда ведет эта узкая дверь? На берег моря?..

Крик детей прервал мысли Кристо.

(Продолжение в след. №).

Дети, крича, с веселым испугом, смотрели на небо. Кристо поднял голову и увидел небольшой красный детский шар, летящий через сад. Ветер отнес шар в сторону моря.

Этот шар почему-то очень взволновал Кристо. Он начал беспокоиться. И как только выздоровевший слуга вернулся, Кристо отправился к Сальватору и сказал ему:

— Сеньор, мы скоро поедem на Анды, быть может надолго. Разрешите мне поиздаться с вучкой...

Сальватор нахмурился. Он не любил, когда его служанцы уходили со двора, и потому предпочитал иметь одиночки. Кристо молчаливо выжидал, с преданностью собаки глядя в глаза Сальватора.

А Сальватор, как бы гипнотизируя Кристо взглядом, в третий раз сказал ему:

— Помни наш уговор. Береги язык. Иди. Возвращайся не позже, как через три дня. Подожди!.. — Сальватор удалился в другую комнату и вынес оттуда увесистый замшевый мешочек, в котором позванивали золотые пезо.

— Вот твой вучке. И тебе... за молчанье.

Же лихие соймички, ник гда не трусившие перед гневным Онежским озером.

Сойма принадлежала купцу Толстопятову. Он был тяжелый, жесткий человек, ради наживы способный на всякие нечистые дела. Соймы его то и дело попадались с запрещенными, а то и попросту ворованными грузами, но, пользуясь тем, что Заонежье — край глухой, он всегда умел очень ловко спрятать концы в воду и благополучно выкрутиться.

Последнее время он особенно разошелся и, не стесняясь, кругом обманывал людей и закон. Соймы его обычно грузились в глухих местах, по ночам, так же таинственно разгружались, и соймичков он подбирал себе поотчаянней, часто прямо из воровского сословия. Они не прочь были заняться подчас даже озерным пиратством.

Поэтому в Сенной Губе все были удивлены тем, что на толстопятовской сойме пошли такие честные парни, как Королевы. Однако, все объяснялось просто.

Нагрузив неизвестно чем и неизвестно где сойму, прежние соймички Толстопятова вдруг почему-то забастовали и отказались выйти в озеро. Толстопятову же, видимо, нужно было отправить сойму как можно скорей и, не сумев сразу найти кого-нибудь из своих обычных молодых, пришел к Королевым и предложил им плату вдвое больше обыкновенной за то, чтобы те отвели его судно в Вытегру.

У Королевых летом спорел сарай с телегой, сохой и двумя лошадыми, им дозарезу нужны были деньги, и, как ни противен был им Толстопятов, они согласились. На вопрос, чем грузена сойма, Толстопятов ответил: «Овоцем». Королевы ему не поверили, но решили, что от одной путины на толстопятовской сойме еще не случится с ними несчастья.

Все же уходили они в озеро с тяжелым сердцем. Перебравшись еще ночью с берега на сойму, они хотели было посмотреть, каким «овоцем» грузено судно, но на трюме оказался тяжелый крепкий замок. Это было нехорошо — никогда не запирают купцы от соймичков своих товаров — и это сильно беспокоило Королевых. Помимо воли лежали в гольму всякие неприятные мысли о Толстопятове, о его темных делах, о жутких слухах, ходивших о нем по Онеге, и Королевы даже по палубе соймы передвигались опасливо, чего-то сторонясь, как будто сама сойма могла их замарать грязью нечистых дел купца Толстопятова. И не раз

ПРЕДАТЕЛЬСКИЙ ГРУЗ

Из жизни онежских водников

Рассказ В. Белоусова

Осенью, на Покров, рано поутру с Климецкого острова из Сенной Губы уходила сойма¹⁾.

Узкие проливы, по которым она неснеша пробиралась, кутались еще в серебряный онежский туман. За кормой соймы над туманом висела гряда далеких лесистых гор. До них было далеко — верст сорок, а может быть и больше, но утренний туман приблизил их, и они нависли над самими Кижскими островами, между которыми шла сойма.

Было свежо. Уже негде две как потягивал потихоньку зимник, и с каждым днем на Онегу становилось все холодней и холодней. Как будто ветер приносил зиму по маленьким кусочкам и кусочками оставлял ее здесь. Скоро должно было накопиться таких кусочков много, и тогда от берегов, с тихих губ и заливов медленно, исподволь надвинется на озеро лед и на много месяцев наглухо: акалотит его своей крепкой, гладкой доской.

Но никогда сразу не сдается озеро. Большие бури случаются на нем осенью, и тогда не раз приходится льду разбитым и разломанным торопливо скрываться до поры до времени опять в тихие далекие губы и в узкие Кижские проливы.

Когда туман откидывался ветром, видно было разорванное лохматое небо, и это «дырявое», как говорят онежцы, небо было знаком того, что уже подходило время начать озеру свою жестокую борьбу с зимой и со льдом...

Зимник наткался на мелкие островки, на скалы шхер, рвался ими на клочья, дул неровно и то вдруг пышно вздувал поднятые паруса соймы, то, ослабнув, бил ими по мачтам, как будто стучался куда-то настойчиво и сердито.

По берегам редко светились огоньки деревень...

На сойме уходили из Сенной Губы двое молодых братьев Королевы: Афанасий и Николай. Оба они были высокие, крапистые, белокурые малые, лихие забияки — лучшие кулачные бойцы на всю волюсть и такие

¹⁾ Сойма — небольшое парусное тридцатитонное судно.

шевелинулась в головах соймщиков мысль, что не зря ли они так легко согласились на предложение купца.

Сойма шла быстро, и скоро выбежала из проливов на простор Большого Онего. Ночь была очень темная, и такое же темное было озеро. Казалось, часть ночи густо растворилась в нем, только изредка слабо вспыхивали в темноте белые грешки волн.

Зимник в открытом озере дул ровню, сильно и холодно. Большие волны ходили под ним. Сойма, подхваченная ими, закричала, напрялась и, накренившись на правый борт, понеслась с волны на волну, лихо взлетая на их гребни и ныряя в провалы между ними; под ее туловатым носом озеро взрывалось тысячами мелких шипящих брызг, которые вместе с ветром быстро улетали куда-то в сторону, в тьму.

Чем дальше уходили в озеро, тем сильнее становился ветер и тем свирепей качали волны сойму, но первый час шли по озеру хорошо. Сойма легко выдерживала ветер и волны и точно слушалась руля. Афанасий стоял у штурвала.

«Доброе судно!»—думал он, когда на минуту забывал, что сойма принадлежит ненавистному Толстопятову.

Однако, онежская примета—«дырявое небо»—начала сбываться.

Как раз к восходу солнца, когда рассвет, казалось, уже окончательно вступил в свои права и волны из черных сделались темно-серыми—очень холодными на вид,—на озере вдруг снова стало темно. Облака густели, и все чаще и чаще белой пеной взвизгивали над палубой соймы высокие водяные холмы и обрушивались на нее с таким шумом, как будто кто-то ударял по палубе большущей мокрой ладонью.

Уже не стало правильного крена у соймы: ветер клал ее то на один, то на другой борт и заставлял то, дрожа и напрягаясь, карабкаться носом прямо в небо, то разом проваливаться куда-то в темную кипящую бездну.

По-новому загудел ветер в мачтах, по-новому зашипели брызги под бортами и как будто кто-то с силой потянул сойму за нос вперед, она все быстрее и быстрее неслась в открытое озеро.

Афанасий пошире уперся ногами в палубу, обхватив рвущийся из рук штурвал:

— Держись, браток!

Нудных мыслей у Толстопятове как не бывало. Николай, встряхнувшись, вскочил с палубы и бросился

убирать топселя, чтобы буря, налетев как-нибудь невзначай, не перевернула их маленького судна. Наступали трудные часы.

Буря несла с собой сильный холод. Пошел дождь. Волны катились теперь через палубу одна за другой, взрывались под бортами холодными фонтанчиками и то и дело с ног до головы окатывали соймщиков. У обоих скоро промочили кожанки. Вода пробиралась за шиворот, очень холодно и щекотно ползла по спине, хлюпала в сапогах.

На обязанности Николая лежало управление парусами. Он бегал по палубе от мачты к мачте, от фока к гроту и обратно, скрипел блоками, наскоро крепил паруса, а через минуту уже должен был их отпускать. У него болили руки, расцарапанные до крови веревками. А в это время палуба под ним делала отчаянные прыжки из стороны в сторону, как будто хотела сбросить с себя в воду все, что было на ней.

Николай часто падал, катился к борту и каждый раз при этом мелькала у него в голове одна и та же мысль:

«Ну, смыло!»

Но, изловчившись, он ухитрялся схватиться за веревку или прямо за неровную обшивку судна и, вскочив, опрометью бежал к мачтам, чтобы наверстать потерянное время.

Афанасий крепко держал сойму в полветра и думал только, плотна ли обшивка у судна, не наберет ли оно воды через палубу, не отяжелеет ли, а тогда трудно будет бороться с бурей.

Страшный шум и какое-то злое змеиное шипение разыгравшегося озера стояли кругом. Когда набегала на сойму особенно большая волна, оба брата в один голос вскрикивали, не слыша друг друга:

— Держись, ух!

И цеплялись за что попало. А ветер и волны пытались в этот момент как-то косо скрутить сойму, и она глубоко и упруго выгибалась под их ударами, часто черпая бортами воду.

На носу соймы лежал свернутый брезент. Его забыли во время привязать и он ползал и катился по палубе, путался в ногах и мешал Николаю работать. Николай хотел его прикрепить, но сделать это ему не удалось: налетевший порыв ветра вырвал брезент из рук соймщика и, хлестнув Николая по лицу, уводил брезент за борт в озеро.

Скоро буря усилилась настолько, что пришлось зарифить¹⁾ все паруса...

1) Зарифить паруса (взять рифы)—значит уменьшить площадь отдельных парусов.

С левого борта ринулась на сойму гигантская волна... В трюме послышался сильный удар, и густой пар от хлопотаньем вырвался из-под палубы...

* * *

В самый разгар бури, когда часто озеро, вскинувшись, совсем закрывало сойму и люди на ней оказывались стоящими по колено в ледяной воде, Афанасий вдруг заметил, что ноги его с некоторого времени стали согреться. Это было удивительно, тем более, что сам он весь сильно промерз, а руки заочечени настолько, что еле удерживали руль. О причине такого странного явления Афанасию некогда было подумать: буря отнимала слишком много сил, но все же как-то наполовину бес-сознательно он этому сильно удивлялся.

Удивлялся он еще и тому, что Николай, все время так смело работавший с парусами, стал вдруг ползать по палубе на четвереньках, как будто боялся ходить по ней во весь рост. А между тем, зевать было нельзя. За минуту промедления Сурия могла жестоко наказать.

Афанасий стал кричать брату, но тот не слышал.

Неожиданно резкий крен соймы заставил Афанасия опуститься на галубу на колени. И тут с еще большим удивлением он почувствовал, что доски у него под коленями теплые.

Это было очень приятно—в такую стужу, в такой режущий холодом ветер прикоснуться к чему-то теплomu, но это было совершенно необъяснимо: доски непрестанно оказываются холодной, как лед, водой и вдруг они—теплые.

Но не успел Афанасий сообразить, в чем дело, как на него, запрохотав чем-то в темноте, на четвереньках вдруг накатился с носа его брат и, ухватившись за стойку штурвала, поднялся перед ним. Над компасом под стеклом горела свеча, и эта свеча теперь сбоку осветила лицо Николая. Оно выражало крайний испуг: растерянные широкие глаза, удивленно-раскрытый рот, и через него пузырями проглатывается короткое хриплое дыхание.

Афанасию на мгновение показалось, что перед ним вдруг встало жуткое, ревущее, перекошенное лицо самой бури,—до того страшно было лицо Николая. Но он снова понял, что перед ним стоит его брат, и тогда самые худшие догадки промелькнули у него в голове.

Такой странно-далеким и слабый доносился до него сквозь бурю крик: — Браток... погубим!..

В рывок Афанасия вздрогнул штурвал. Сойма дернулась куда-то далеко в сторону, и на мгновение осо-

бенно явственно застучал по ее палубе дождь. Афанасий, приунывшись, впился глазами в лицо брата. Откуда-то из груди полезла к горлу скверная тошнота.

И снова крик:

— Под фоком... доски дымятся... Жар по всей обшивке иде-е-е-т!

Самые неожиданные предположения о случившемся разом вспыхнули в голове Афанасия, спугались в клубок и бешено завертелись, переплетаясь и перекручиваясь друг с другом.

«Жар по обшивке... Доски дымятся»—мелькало у него в мозгу, в то время как руки его судорожно цеплялись за штурвал, как будто в нем было единственное спасение.

Сомневаться было нельзя: в трюме, под палубой, горит груз, горит «овощ» купца Толстопяттова. О, чорт, что же они везут на этой дьявольской сойме! И отчего мог вспыхнуть пожар?! От качки, от тряски?

И в упор, в лицо Николая, все продолжавшее растерянно смотреть на него, истонно заорал:

— Палубу руби! Ломай доски, воды надо лить, воды! Да скорей ты... И неожиданно для себя длинно выругался.

Второй раз повторить приказание не пришлось.

Николай бегом бросился в каюту, схватил там топор и, выскочив наверх, принялся сумасшедше рубить палубу над трюмом. Топор со страшной быстротой взметывался в воздух, глубоко вонзался в обшивочные доски, и большие мокрые щепки летели из-под него во все стороны. Пробив порядочную дыру, Николай подцепил топором доску и всей своей тяжестью надавил на топорнице. Доска выгнулась и со скрипучим треском выскочила из своего гнезда. Из образовавшегося отверстия валил не то пар, не то дым, очень горячий и удушливый. Николай хотел зачерпнуть ведром воды и вылить ее в трюм, но ему не пришлось этого сделать.

С левого борта ринулась на сойму гигантская волна и сокрушительным потоком пронеслась по палубе. Много воды хлынуло в трюм через отверстие. И тогда случилось совершенно неожиданное.

В трюме послышался сильный взрыв. По звуку он был такой, как будто там вскипел вдруг громадный котел каши, и сейчас же из-под палубы вырвался с адским шипением и свистом огромный пузырь пара и моментально окутал горячий влажностью всю сойму.

Обалдевший, ошпаренный Николай, бросив топор, кубарем покатился по

палубе подальше от опасной дыры. В трюм все продолжала литься вода, и взрывы следовали друг за другом, сливаясь в одно оглушительное хлокотание чего-то горячего, расплавленного. Сильным жаром вдруг обдало через обшивку соймы.

Большое присутствие духа нужно было иметь Афанасию, чтобы не выпустить при виде этого штурвал. Струя пара достигла его и сильно ошпарила ему лицо. Он инстинктивно спрятался за стойку штурвала.

Когда он оправился от ожога, то первой его мыслью было, что в трюме лежит какое-то взрывчатое вещество и что сейчас они вместе с соймой взлетят на воздух. Но время шло, а, кроме густого пара, хлокотания и сильного жара, ничего не появлялось из отверстия в палубе.

Тогда, все так же продолжая крепко держать сойму в полветра, Афанасий, стиснув зубы, напряг свое мышление, чтобы понять и объяснить, что происходило на сойме. Все дело было в грузе. Но какой же это груз, который кипит с такими взрывами и так нагревается, когда на него попала вода? С молниеносной быстротой Афанасий мысленно перебрал все грузы, все товары, которые когда-либо возились или возятся на сойме, но ничего подходящего он долго не мог вспомнить.

И только, когда в носовой части судна вдруг, щелкнув, как газовая горелка, вспыхнуло маленькое красное пламя и сейчас же погасло, залитое брызгами волн, у Афанасия в памяти возник тот случай, про который когда-то рассказывал ему отец: где-то, не то на Онего, не то на Белом море, сгорело судно из-за того, что оно сильно нагрело воды во время бури. Это судно было гружено... гружено... чем?!

Внезапно короткое слово прорезало мозг Афанасия. И против воли оно с сумасшедшей силой рванулось из горла, рванулось, как призыв о помощи, как последний, отчаянный крик. И это короткое слово было: — Известь!!

Да, теперь все было ясно. Толстопяттовская сойма везла известь, негашеную известь—то, что давно запрещено было возить на маленьких судах по озеру, потому что слишком много видели несчастий от этого опасного груза онежские водники.

От воды, проникающей в бурю через не совсем плотную обшивку палубы, негашеная известь начинает гаситься, и тогда образуется очень много водяных паров, а, главное, известь так сильно нагревается, что, если ее в трюме было много и туда

попало большое количество воды, сойма должна неминуемо сгореть.

Все это, конечно, знал купец Толстопяттов. Но он знал также, что доставка обожженной извести по воде на собственной сойме с Климешкового острова в Вытегру стоит в четыре раза дешевле, чем сухим путем, на лошадах. А большие казенные баржи совсем не ходили в Вытегру, и невыгодно было нанимать их ради нескольких тонн извести.

В рискованную игру играл Толстопяттов, но такой игрой держался он

На озере уже рассвело. И в рассвете небо было зловеще: алые, темно-синие и черные полосы ходили по нему, и такими же мрачными красками отсвечивало под ними свинцовое буйствующее озеро. Ни сзади, ни спереди, ни слева берегов не было видно—с этих трех сторон ярость озера сливалась с мрачностью неба, и там нечего было искать спасения. Берег был виден только справа. Вернее, даже не виден—он только угадывался в тусклой туманной полосе, спрятавшейся за бурю. Но он был

Только этот крик заставил опомниться Николая, который все еще обалдело продолжал смотреть на извергавшийся из-под палубы пар. Он кинулся к мачтам, и через минуту сойма, окрыленная всеми своими парусами, уже бешено неслась по озеру, перегоная волны, к далекому берегу.

Это была чудовищная езда...

Из-под палубы через дыру несло дикое колотание, валили клубы раскаленного пара, и фонтаном летели брызги кипящей известиковой воды. Сильные взрывы то и дело потрясали сойму.

В отверстие все продолжала падать вода, и его необходимо было закрыть, чтобы отсечь пожар на судне. Но брезент был смят бурей. Можно было только положить на прежнее место вынутую доску.

Николай Королев долго ползал с доской кругом отверстия, но никак не мог к нему подойти близко: пар и горячие брызги обжигали лицо, руки и заставляли, пригнувшись к палубе, отползая в сторону. Наконец, сымщику все же удалось вдвинуть в гнездо доску. Но она лежала там недолго: пар с грохотом и свистом вытолкнул ее и отбросил на другой конец галубы.

Афанасий не мог отпустить руля, чтобы помочь брату, и опасное отверстие пришлось оставить в покое. С того момента до самого конца сойма была kloкочущим вулканом, с кратером в палубе, и этот вулкан грозил каждую минуту вспыхнуть. Если было в то время где-нибудь неподалеку на озере другое судно, оно, наверное, приняло толстопяттовскую сойму за пароход и столб пара над ней—за дым.

Время тянулось невыносимо медленно. Полоса берега оставалась все такой же далекой, и были секунды, когда у Королевых являлась мысль, что и нет никакого берега, что они мчатся куда-то в открытое море и спасения им не будет...

Палуба нагревалась все жарче и жарче. Она жгла уже через толстые подошвы сапог, и Королевы, которые оба теперь стояли у штурвала, (росили себе под ноги меховые шапки и встали на них.

Пару тесно было выходить через одно узкое отверстие. Он скапливался под палубой, искал себе новых выходов, корбил обшивку, выгибал доски и то там, то здесь вставал вдруг над палубой тонкими, упругими и пронзительно свистящими струйками.

И так же по всей палубе вспыхивали маленькие язычки огня, быстро перебегали с места на место и, за-

Ударившись о скалы, сойма разом вспыхнула высоким, крепким пламенем... Два человека в затопренней одежде бросались с палубы в воду...

всю свою купеческую жизнь. И уж теперь вряд ли удастся ему выкрутиться, как это удавалось ему много раз прежде: давно плачут по нем крепкие стены.

Но какая бы ни постигла в будущем купца Толстопяттова кара, спастись Королевым все-таки как-то надо было.

Когда первый испуг прошел, Афанасий сообразил, что единственно, что остается им делать, это бежать как можно скорей к ближайшему берегу и выброститься на него. От того, как скоро они достигнут берега, зависела их жизнь.

ближайшим берегом и лежал по ветру.

Повинуясь сразу возникшему решению, Афанасий одним коротким движением штурвала круто повернул сойму направо, к берегу. Паруса, поставленные на полветра, задержались, захлестали по реям, вместе с ними задержались веревки, удерживавшие их, грозя лопнуть.

— Ставь парус! Топсея! ¹⁾ поднимай!—закричал Афанасий.—На всех пойдем!

¹⁾ Топсея — косые верхние паруса; бывают треугольные и четырехугольные (рейковые).

литые волнами, гасли. В этих пока еще маленьких язычках чувствовалась большая сила. Чувствовалось, что они могут разом вспыхнуть по всему судну и разом его сожрать.

Сойма летела по озеру с быстротой бури. Под ударами ветра гнулись и тресали мачты, натягивались до последнего предела паруса и ванты. За кормой соймы росли рябые водяные холмы, гнались по пятам, скардито харкали вдогонку злой пенистой слюной и, не догнав сойму, с ворчанием и шипением проваливались куда-то вглубь, а на их место росли новые такие же холмы.

«Королевы не говорили между собой. Если бы и захотели, они не могли бы говорить: вой бури, сливаясь со взрывами и хлопотанием на сойме, окружав их грохотом и ревом, способными оглушить самые крепкие уши. Афанасий и Николай только судорожно сжимали ручки штурвала и немниможащими от ужаса глазами смотрели сквозь пар, засти-

лавший все перед ними, вперед, туда, где должен был быть берег.

И этот берег пришел сразу. На мгновение ветер откинул в сторону пар, перед самым носом соймы вдруг выросла большая нависшая коричневая скала, и в тот же момент сойма со всей скоростью своего бега налетела на нее.

Оборвав такелаж, рухнула на нос тяжелая грот-мачта, подминала под себя фок¹⁾. С кормы хлынула на судно большая волна, и когда она откатилась обратно, вся сойма разом вспыхнула высоким, крепким факелом.

Два человека в загоревшейся одежде бросились с палубы в воду, и в момент полета они были похожи на большие горящие головни...

...Когда к вечеру сойма дотгорела, собравшиеся окрестные жители нашли среди ее остатков два обуглившихся трупа: бурия выбросила Королевых на берег, но, ошеломив ударом о камни, не позволила им отползти от горящего судна...

МЕСТЬ КОНДОРА

Рассказ Вентура Гарсии Кальдерона²⁾

Никогда мне не удавалось разбудить индейца пинком. Один человек хотел обучить меня этому трудному искусству в одном из портов Перу—это был капитан Гонзалес, у которого была такая прекрасная плеть с золотым набалдашником и кусочком свинца на кончике.

— Скотина!—ревел капитан, закручивая штопором чудовищные усы.—Все они одинаковы, эти негодяи! Я приказал ему седлать лошадей в пять часов утра, и посмотрите, в семь часов он еще спит, эта свинья! А мне непременно надо быть в Хуаресе через два дня!

Индеец спал одетый под открытым небом, положив голову на старое седло. При первом же пинке он приподнялся, потягиваясь. Никогда я не мог понять, как смотрят на нас эти люди, когда их наказывают: с гневом или с покорностью? Но так как он немного медлил вернуться в мир своей ежедневной муки, то храбрый вояка хлестнул его плетью по голове. Индеец и я—мы оба прискочили. Он—потому что кровь катилась у него по лицу, как слезы, я—потому что был полон сентиментальных предрассуд-

ков, свойственных студенту. Я держал руку энергичного капитана, и поэтому несчастный избег вторичного кровопускания.

— Гром господень!—повторял плач, смотря на меня строгими глазами.—С ними вот так надо обращаться, с этими дикарями! Вы этого не знаете, доктор!

Капитан Гонзалес пожадалов меня этой ученой степенью, заметив мои блестящие сапоги, мой совершенно новый пончо³⁾, еще не обтрепанный ветром, и мое искреннее сострадание к индейцу. Еще накануне, когда он у меня выиграл в бедной портовой харчевне пять перуанских фунтов в жак⁴⁾, он усыновил меня с отеческой улыбкой.

— Мы поедем с вами вместе до Хуареса, милейший доктор. И вы увидите, как забавно будет с этим олухом, с этим, плутом-индейцем, у которого в каждой хижине по знакомой кумушке. Он служил у меня в прошлом году, а теперь мой друг, префект полиции, послал мне его в качестве вестового. Он страшно боится этой «штучки»!

Он принудил меня полюбоваться, с каким необычайным искусством была сплетена из камыша эта «штуч-

ка», на кончике которой была прикреплена коническая пуля. На спины людей и животных это должно было действовать неотразимо...

Во дворе харчевни еще гремел воинствующий голос:

— А меховая шуба, сволоочь проклятая? Если ты не поторопишься, я тебе покажу!..

— Я сейчас принесу ее, тайта⁵⁾!

Индеец исчез в конюшне в поисках шубы и не появлялся больше. Десять, двадцать, тридцать минут, которые вызвали извержение самых разнообразных ругательств. Они шли, все усиливаясь в темпе и крепости; бог и богородица смешиались в устах капитана с креольской бранью. Но индеец, этот несравненный проводник, исчез, как сквозз землю провалился. Гонзалесу пришлось ограничиться новой порцией угроз будущих кар и несчастий по адресу беглеца и ехать одному.

— Не ездите с капитаном. Это дикий человек,—предупредил меня хозяин харчевни.

И я под предлогом покупок отложил свой отъезд. Через два часа, когда я сядился на своего великолепного мула, ко мне навстречу двинулась овечья шкура, и из-под пыльной овчины высунулась всклокоченная голова, которая прошептала:

— Хочешь, я поеду с тобой, тайта?

Хотел ли я? Еще бы! Это был сбежавший наказанный индеец. Я тоже в продолжение этих часов безуспешно искал проводника. Беглец знал опасные горные переходы, как свои пять пальцев, и шел с закрытыми глазами по тропинке, змеившейся над пропастью по скалам...

Я согласился, не уловившая в цене; индеец сказал мне на своем наречии, что мы встретимся за околицей деревни. Я остановился в одной хижине, чтобы выпить чашку «чиха»—настойки из кукурузы, которая освежает желудок и веселит сердце. Тут я увидел проводника верхом на изможденной лошаденке, более приспособленной, однако, к переездам, чем мой мул. И, ни слова не говоря, ничем не проявляя себя, индеец поехал впереди меня по горным тропинкам; когда солнце палило мне внутренности, он приносил кувшин с освежительной хиха или вкусные волокнистые зерна распаренного майса. Никогда бы я не сумел устроить из пончо, шубы и седла такой мягкой постели, какой я наслаждался этой ночью.

Но на другой день путешествие стало более трудным. Услужливый

1) Такелаж—совокупность всех снастей судна; фок-мачта—передняя мачта; грот-мачта—средняя мачта.

2) См. «Перуанские рассказы» того же автора в № 1 «Вокруг Света» за т. г.

3) Широкий плащ.

4) Жак—игра в кости.

5) Господин.

и смиренный, как всегда, мой спутник останавливался очень часто по дороге, как будто справляясь о чем-то в каждой хижине на своем мягком наречии. Индейки, принимая мою фляжку, чтобы наполнить ее хиха, смотрели на меня внимательно, и я угадывал в их глазах неожиданную симпатию. Но кто может угадать, что происходит в душах этих несчастных расыны? Два или три раза проводник нарушал молчание, чтобы рассказать мне своим детским лепетом истории, от которых у туристов волосы становятся дыбом. Наивные рассказы о том, как путешественники сваливаются в пропасть, потому что неожиданный камень срывается с Андских высот.

— Вот посмотрите, таита!

И он показывает в узкой долине их скелеты, омываемые речной пеной.

Я не хотел себе сознаться, но на меня это начинало действовать. Анды вечером—огромные серые могилы, и туман, поднимающийся из этих фиолетовых долин, над которыми возносятся снежные острия, вызывал во мне дрожь, как очевидная беда. По склону гигантских уступов узкая дорога, жмущаяся к камню и висят над пропастью, казалось, вела нас, как в древних сказаниях, в зловещее место. Но тот же индеец, дрожащий под хлыстом, теперь с ловкостью акробата спустился с лошади, соскользнув через ее голову, и повел за повод моего боязливого мула, который, косясь на пропасть, дрожал и спотыкался о камни. Один час такого пути вконец расстраивает нервы. К тому же и ветер свистел между скал, усиливая головокружение. И уже приручившиеся кондоры, спускаясь с высот, рассекают воздух крыльями так близко от меня, что обжигают мне лицо, и я вижу их злые глаза...

Мы достигли узкого ущелья, из которого я мог видеть, среди серого однообразия горной цепи, желтое плоскогорье с торчащими на нем зловещими кактусами.

— Подожди меня, таита, — прошептал внезапно проводник и исчез во мгновение ока.

Я ждал его напрасно. Мурашки побежали у меня по спине. Я нащупал засунутый у меня за поясом револьвер, успокаивая нерешительного мула, который, насторожив уши, вращаясь, как флюгера, измерял опасность и прислушивался к смерти. Какой-то шум раздавался вдали: что-то катилось, падая с высоты. Вдруг в пятнадцать метрах от меня пролетела вьюсь стая кондоров, и тогда совершенно ясно я увидел, как сверху, с головокружительной высоты, как

В пятнадцати метрах от меня пролетела стая кондоров, и я увидел, как сверху, с головокружительной высоты падал труп человека...

раз надо мной, падала с грохотом в облаке пыли какая-то смутная масса — человек или, быть может, лошадь. Кровянисть об острия скал, она достигла горного потока и окрасила пурпуром его пениые воды.

Смиреннее чем когда-нибудь, мой проводник возвращался, скользя по камням, подобно горному зайцу. Он схватил моего мула за повод и прошептал певуче, как будто вздыхая:

— Ты видишь, таита, это капитан...

— Капитан? — изумился я.

Индеец следил за мною своими непроницаемыми глазами, и, когда я забросил его вопросами, он неторопливо объяснял мне на своем наречии, что иногда, мол, таита, дерзкие кондоры задевают крыльями путешественника у самого края пропасти. Тогда он теряет равновесие и падает

в бездну. Вот это и случилось с капитаном Гонзалесом.

Индеец прижал обе руки к сердцу, сняв широкополую шляпу, чтобы убедить меня, что он говорит истинную правду. И движением он показал мне больших птиц, спускавшихся на троп и уже терзавших свою добычу...

Я ни о чем больше не спрашивал его, потому что это — тайны страны, которых люди его племени не умеют объяснить белому человеку. Быть может, между ними и кондорами существует молчаливый договор, чтобы мстить нам, вторгшимся к ним. Но от этого несравненного проводника, который покинул меня у ворот Хуареса, отказавшись от какой-либо награды, я узнал, что не всегда можно эксплуататору безнаказанно — с красивой плеткой в руках — оскорблять смиренного побежденного...

ЖЮЛЬ ВЕРН

К столетию со дня рождения

(Окончание 1)

Очерк Я. Перельмана

IV.

Мы забежали вперед, заговорив о старости писателя. Нам предстоит еще познакомиться с событиями, наполнявшими среднюю пору его жизни.

Однажды Жюль Верну пришлось ожидать в приемной министра иностранных дел.

Садитесь, господин Жюль Верн, — сказал ему слуга министра, тотчас же узнавший популярного романиста. — После далеких путешествий вы, без сомнения, очень устали.

Простодушный слуга воображал, что писатель лично совершает все те дальние странствования, которые описаны в его произведениях. Эту уверенность разделяли с ним, впрочем, и большинство почитателей французского романиста. Между тем, Жюль Верн побывал из внеевропейских стран только в Алжире и в Северной Америке: он плывал в Америку в 1867 г. на знаменитом «Грэт Истерн» — исполкомом (для того времени) пароходе, прославившемся прокладкой телеграфного кабеля через Атлантический океан. Романы «Пловучий город», «Север против Юга» и «Нарушенные блокады» отражают впечатление, навеянное этим путешествием.

Отсюда не следует, однако, что прочие годы своей жизни Жюль Верн безвыездно проводил в кабинете. В биографии французского романиста есть полоса, заполненная частыми морскими плаваньями. Это период с 1875 по 1886 г.

Женившись и переселившись навсегда из Парижа в город Амен, на родину своей жены, Жюль Верн вскоре приобрел небольшую парусную яхту «Сен-Мишель» в десять тонн водоизмещения. Экипаж яхты состоял всего из двух матросов-рыбаков и капитана, которым был сам Жюль Верн. Романист страстно отдавался этому спорту, уходя на своей яхте далеко в океан.

Позднее маленький парусник Жюль Верна был заменен паровой яхтой, названной также «Сен-Мишель». Это было уже гораздо более крупное судно в 35 метров длины, с машиной в 25 л. сил. В уютной обстановке каюты яхты Жюль Верн проводил много времени, однако никогда не писал здесь романов. Это было местом отдыха и размышлений над планами новых произведений.

Море было страстью французского романиста; он любил жизнь моряков и прелесть изучил их ремесло. Он был «капитаном дальнего плавания» в полном смысле слова, хорошо знакомым с искусством кораблевождения. Портрет Жюль Верна в ту эпоху его жизни мы имеем в иллюстрации художника Риу к роману «80 тысяч верст под водой»: профессор Аронакс на палубе судна — не кто иной, как сам романист на борту своей яхты (см. фотографию в № 2 «Вокруг Света»).

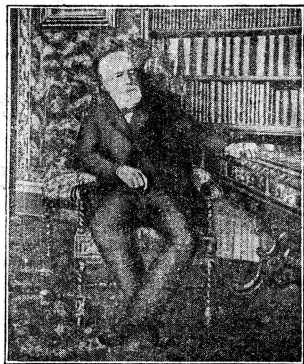
Жюль Верн плывал на яхте «Сен-Мишель» к берегам Англии, Португалии, Испании, Алжира, Италии, останавливаясь в прибрежных городах. Еще до этого он совершил (в 1861 г.) поездку в Скандинавию; впечатление этого путешествия отразилось в его романе «Зеленый луч» и «Лотерейный билет».

Таковы все путешествия, действительно преданные Жюль Верном. Как видим, ни в каком не переступал ни тропиков, ни полярного круга и, конечно, не плывал в подводной лодке. Путешествия в дельте Африки, Южной Америки и Австралии, в полярные страны, в Китай, в Сибирь, в Турцию и т. д., так натурально описанные в его романах, выполнены были автором лишь в воображении. Путешествия в те страны, которых он не посетил, он описывал так же, как описал путешествия на Луну. В последнем случае он пользовался «Астрономией» Араго, в первом — «Всеобщей географией» Э. Реклю.

Как для исторического романиста вовсе не необходимо быть современником повествуемых событий, так и для романиста географического не обязательно личное посещение описываемых стран: тот и другой могут пользоваться источниками. Этого тем более нельзя требовать от романиста, что даже специалисты-географы не всегда исследуют лично те страны, о которых они пишут. Автор 19-томной «Всеобщей географии» Реклю писал в предисловии к своему труду: «Наша земля по отношению к отдельному человеку почти безгранична, и я вынужден был прибегнуть к помощи других авторов, посещавших и изучавших разные страны».

V.

На 58-ом году жизни Жюль Верн навсегда оставил морские путешествия и продал свою яхту. Причиной такого внезапного отказа от любимого спорта послужил несчастный случай: писатель сделался жертвой нападения искренно любимого им племянника — душевно-больного молодого человека, случайно ускользнувшего от надзора окружающих. Подверженный мании преследования, больной во время нападения ранил романиста в ногу выстрелом из револьвера. Извлечь пулю не удалось (лучей Рентгена тогда еще не знали), и рана превратила прежде крепкого старика до некоторой степени в инвалида, сделав невозможным для него пребывание не только на капитанском мостике, но и вообще на борту яхты.

Жюль Верн в своей библиотеке (в Амьене)

бывание не только на капитанском мостике, но и вообще на борту яхты.

С тех пор Жюль Верн до самой смерти почти безвыездно жил в Амьене, в тихом безмятежном уединении. Он покинул этот город только дважды — для посещения всемирных выставок в Париже в 1889 и 1900 гг. Однако, он продолжал выполнять свои общественные обязанности: аккуратно посещал заседания коммунального совета, членом которого он состоял; бывал на собраниях Амьенской академии наук и иногда читал там доклады; не пропускал собраний общества эсперантистов, заданием которого горячо сочувствовал. Непустою работой за письменным столом, Жюль Верн продолжал ежегодно выпускать по два тома романов. Он не ослабил темпа своей литературной работы даже тогда, когда в 1895 г. ослеп на левый глаз. В 1900 г. он окончательно потерял зрение, но продолжал работу с прежней энергией, диктуя свои произведения.

Только смерть остановила его работу. На 77-ом году слепой писатель заболел диабетом (сахарной болезнью), от которой ему не суждено было оправиться.

Когда у постели умирающего собрались его ближайшие друзья, он сказал: — Вы все собрались здесь; теперь я могу отправиться...

Это были его последние слова.

Он скончался 24 марта 1905 года.

VI.

Жюль Верна следует считать подлинным создателем научно-фантастического романа. До него робкие попытки в этом направлении делал лишь американский писатель Эдгер По (умерший в 1849 г.). Но написанные По несколько научных рассказов не могут идти в сравнение с 80-томной серией романов Жюль Верна, представляющей собой своеобразную естественно-научную энциклопедию.

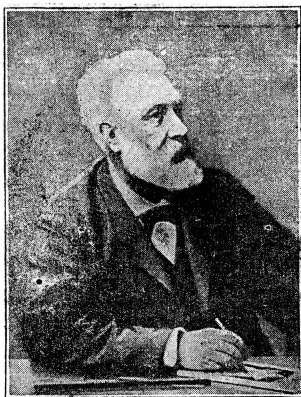
Научную основу своих романов Жюль Верн разрабатывал с большой тщательностью. Он читал очень много из самых разнообразных областей знания, постоянно делая выписки заинтересовавших его мест. За долгие годы такого чтения у него накопилось свыше 20.000 заметок, извлеченных из научных книг и журналов.

С необыкновенным искусством умел он вплетать в нити увлекательной интриги полезные сведения из географии, астрономии, геологии, минералогии, физики, химии, зоологии, ботаники и из различных отраслей техники: воздухоплавания, электротехники, баллистики, судостроения, горного дела и т. п.

Замечательной особенностью Жюль Верна, которой нехватает всем его последователям, является то, что он не только знакомил с уже достигнутыми успехами науки, но удачно угадывал и дальнейшие достижения, заранее провидел открытия и изобретения, свидетелями которых суждено сделаться позднейшим поколениям. Это не были беспочвенные мечтания, а логические выводы из существующего. «Я всегда стою на реальной почве», — говорил он и действительно не горывал с твердой опорой на научные факты в самом смелом полете своего воображения.

Этим объясняется то, что многие технические предвидения Жюль Верна вполне оправдались, частью еще при жизни писателя. Он писал о победе аппаратов тяжелее воздуха еще тогда, когда таких машин не существовало. Его электрический «Наутилус» далеко превосходил по

¹⁾ См. № 2 «Вокруг Света» за т. г.

Жюль Верн в возрасте 70 лет (незадолго до смерти).

совершенству те примитивные подводные лодки, которые строились в то время. В «Паровом доме» он познакомил широкого читателя с семидвижущимся экипажем, известным до того времени лишь ограниченному кругу специалистов. Он предвидел поразительные успехи электротехники тогда, когда она была почти в младенческом состоянии, и пророчествовал о том, что электричество со временем проникнет во все области человеческой деятельности. Он писал о громкоговорящем телефоне и о кинематографе («Замск в Карпатах», 1892 г.) раньше, чем они были изобретены, и предвидел возможность передачи изображений на расстоянии («Остров-винт», 1895 г.), осуществляющуюся в наши дни. Он предсказывал задолго до мировой войны испанские пушки германской артиллерии («Пятьсот миллионов Бегумы», 1879 г.). Наконец, с необыкновенной ясностью сформулировал он идею межпланетных путешествий тогда, когда никто из его современников не отваживался еще рассматривать ее, как техническую задачу.

Строгие критики указывают нередко на ряд научных ошибок в романах Жюль Верна. С точки зрения современного состояния науки этот упрек, конечно, справедлив. Было бы удивительно, если бы научные романы, написанные несколько десятков лет назад (лучшие романы написаны 50 и 60 лет назад), не заключали никаких ошибочных сведений: это значило бы, что наука за столь долгий срок не подвинулась вперед! Даже и научные книги 1865—1875 гг. содержат немало устаревших, ныне признанных неправильных взглядов. Можно требовать лишь, чтобы научный роман стоял на уровне научных изысканий в своей эпохе, а этому требованию романы Ж. Верна в большинстве случаев удовлетворяют.

Особенно тщательно проверен научный материал в астрономических романах Жюль Верна. В некоторых отношениях французский романист предвосхитил даже работы позднейших астрономов. Английский научный журнал «Знание» (в статье «Астрономия у Жюль Верна») пишет по поводу романа «Из пушки на луну» следующее: «Кривая, описанная снарядом Жюль Верна, дает повод к весьма интересным вопросам. Она начинается и кон-

чается на Земле и представляет собой замкнутую орбиту снаряда. Такую орбиту должна описать та «частица, выброшенная с Земли и подверженная действию только силы земного тяготения. Но под совместным действием Земли и Луны форма орбиты, очевидно, должна измениться. Это было указано впервые Бюро, исследовавшим различные относящиеся сюда частные случаи. Джордж Дарвин также исследовал подобные случаи. Но лишь недавно была дана общая теория этого вопроса профессором Ф. Р. Мультоном, который доказал существование подобных орбит и нашел необходимые начальные условия их существования. Жюль Верн наложил предвосхитил эти исследования». Несмотря на частичную устарелость научного материала романов Жюль Верна, они и в наши дни далеко не утратили своего образовательного значения. Пере-

издавая их, следует лишь внести в их текст необходимые исправления.

На этот путь встало издательство «Земля и Фабрика», выпускающее теперь переводы лучших произведений Жюль Верна, соответствующими исправлениями и примечаниями, под общей редакцией Вл. А. Попова 1).

4) Вышли в продажу следующие романы: **Приключение капитана Гаттераса**. 280 стр., с 29 рис. и 2 картами. Ц. 1 р. 75 к. (в тисненном золотом переплете на 55 к. дорожке). **20.000 лье под водой**. 340 стр., с 36 рис. и 3 картами. Ц. 2 р. 20 к. **Робур-завоеватель**. 320 стр., с 31 рис. Ц. 2 р. **Ганистевный остров**. 464 стр., с 54 рис. Ц. 3 р. Печатаются: **Дети капитана Гранта**. 448 стр., с третьим Жюль Верна, вступительным очерком Вл. А. Попова и 49 рис.

ЧЕТЫРЕСТА ПОТЕРЯННЫХ ОСТРОВОВ.

Если мы посмотрим на глобус или на карту мира, то сразу увидим, что около трети поверхности Земли занята бассейном Великого океана, или Тихого, как назвал его знаменитый мореплаватель Магеллан.

Великий океан представляет огромную водную пустыню, отделяющую Азию от Америки. В средней части Великий океан простирается более чем на 16.000 километров с запада на восток. Это расстояние почти вдвое больше, чем расстояние от Ленинграда до Владивостока. С севера на юг — от Берингова пролива до островов Новой Зеландии — Великий океан имеет около 12.000 километров.

На этом огромном водном пространстве раскинуты бесчисленные острова, из которых многие, как оказывается, совершенно еще не исследованы. В текущем году Гидрологическое Бюро в Вашингтоне (Соед. Штаты Сев. Америки) составило подробную карту Великого океана и его островов, снимок которой мы здесь помещаем. На эту карту нанесено, между прочим, 425 островов, указанных на картах XVIII столетия — и совершенно неизвестных современным мореплавателям.

Таким образом в наши дни, в двадцатом веке, когда стали уже считать, что весь земной шар исследован и изучен,

оказывается, что и в пространстве Великого океана более 400 островов не только совершенно не исследованы, но и неизвестны!.

Почему же так случилось? Почему империалистические державы, старающиеся присвоить самый ничтожный клочок земли и объявляющие своей собственностью даже Южный полюс, упустили из виду целых 400 островов, расположенных в тропических поясах и поэтому могущих доставлять ценные продукты?

Произошло это, главным образом, потому, что за последние полвека Великий океан не исследовался, а пароходные рейсы между портами Азии и Америки совершаются по определенному пути. Пароходные сообщения не способствуют новым открытиям. Пароходы идут от одного известного острова к другому по заранее установленной линии, оставляя в стороне огромные пространства океана.

Вследствие этого многие острова, открытые знаменитыми мореплавателями, плававшими на парусных судах — Джесом Куком, Бугенвилем, Ляперузом и Дюмон-Дюрвилем — постепенно были забыты и затеряны. Эти острова лежат вне боль-

ших океанских дорог, и на них никогда не заходят пароходы.

Американское Гидрографическое Бюро возбуждает ходатайство о снаряжении в ближайшем будущем большой экспедиции для исследования Великого океана.

Возможно, что эта экспедиция, если она состоится, откроет ряд новых островов и встретит на многих из этих загадочных островов новые племена, неизвестные в настоящее время. Может быть, на некоторых островах живут потомки случайно заброшенных туда европейских мастеров и мореплавателей?

Факты показывают, что это вполне вероятно. Нынешним летом один американское китобойное судно, возвращаясь из южных полярных морей, случайно пристало к небольшому острову Мас-А-Фуэро, который считался необитаемым.

К своему большому удивлению, экипаж судна встретил на острове трех белых людей, которые спаслись случайно при кораблекрушении и прожили, затерянные в океане, несколько лет, как настоящие Робинзоны.

Н. Л.

Путешествия и путешественники

РАЗРЫВ РОАЛЬДА АМУНДСЕНА С АНГЛИЕЙ.

Как известно, великий норвежский исследователь полярных стран Рольд Амундсен достиг Южного полюса 16 декабря 1911 г.

Прибывший туда вслед за ним 18 января 1912 г. английский полярный исследователь капитан Скотт нашел оставленную Амундсеном палатку, в которой находился протокол, подписанный Рольдом Амундсеном, Олафом Олафсоном Бжальдалом, Гимлером, Гансеном, Севером Г. Гасселем и Оскаром Вистингом.

На обратном пути английская экспедиция Скотта погибла, тогда как норвежская — Амундсена — благополучно прибыла в Европу.

Таким образом фактически открывшим Южный полюс, несомненно, является Рольд Амундсен. Это признано всем ученым миром.

Однако, английская буржуазия никак не могла примириться с фактом, что Южный полюс открыт не англичанином, а норвежцем. Пользуясь тем, что капитан Скотт все же достиг Южного полюса, в английских школах учат, что открыт он был капитаном Скоттом.

Рольд Амундсен, как человек скромный, всегда заявлял, что готов разделить славу открытия этого конечного пункта нашей земли со своим английским товарищем Скоттом.

Амундсен всегда особенно подчеркивал ту неоценимую услугу, которую оказали ему собаки. «Не будь этих прекрасных животных, моя экспедиция неизбежно погибла бы», — говорил он.

У Скотта были и собаки и пони, и много другого, чего не имел Амундсен. Но у членов богато снаряженной английской экспедиции не было ни одного, чем обладал Амундсен, а именно: умения обращаться с этими животными. Этому норвежский путешественник учился у эскимосов. От них он перенял и все способы борьбы с суровой полярной природой. Амундсен шел в свой опасный путь, как

эскимос: Скотт — как буржуазный путешественник, окруженный полным комфортом. В результате, уже в исходной базе Скотт потерял одну треть транспортных животных, и дальнейшая их утрата была главной причиной его гибели. Амундсен бегал собак, как зенцу ока, и они, по его же словам, выручили его экспедицию.

Вот этим-то заявлением скромного ученого воспользовался председатель английского Королевского Географического Общества, знаменитый ненавистник СССР, покойный лорд Керзон. С ученым миром лорд Керзон ничего общего не имел. Он был вырван председателем Королевского Географического Общества только из прилуничества большинства его членов, которые также не принадлежат к миру ученых.

Дело в том, что Королевское Географическое Общество в Англии далеко не представляет собою строго научного учреждения, каким, например, является наше Географическое Общество. Это скорее клуб путешественников и туристов. Членом Королевского Географического Общества может быть каждый, кого рекомендуют в него два члена. Раз он внесет членский взнос и представит одну или две корреспонденции, напечатанные в английской печати о своем «путешествии», он примет членом этого Общества. Подавляющее число членов его — коммерсанты, колониальные чиновники и отставные офицеры. Каждый информатор министерства иностранных дел непременно состоит членом Королевского Географического Общества, знаменем которого нередко пользуется и воинская разведка.

В числе почетных членов этого Общества — много имен известных мировым ученым и путешественникам. Это происходит оттого, что обыкновенно их избирают без предварительного запроса о согласии и попросту уведомляют об этом письмом. Королевское Географическое Общество в Англии — очень старое учреждение. Оно издает свой журнал и среди буржуазии пользуется большой популярностью,

В ученых же кругах к нему относятся с покровительственной снисходительностью, как к «частному», «добродетельному», обществу. Нельзя смешивать его с «Королевским Обществом», являющимся учреждением, соответствующим нашей Академии Наук. В нем географический отдел поставлен на чисто научных началах. В «Королевское Общество» принимаются исключительно ученые.

15 ноября 1912 года Королевское Географическое Общество чувствовало банкротом Амундсена, как открывшего Южный полюс. Председательствовал на банкете лорд Керзон. По предложению ныне покойного полярного путешественника Эрнста Шекльтона, поддержанному доктором В. С. Брюсом, лорд Керзон должен был провозгласить тост за здоровье Амундсена и поблагодарить его за великую услугу, оказанную науке.

Лорд Керзон встал и, подняв бокал, провозгласил:

— Пью за здоровье собак мистера Амундсена, без которых ему не удалось бы открыть Южного полюса! — При этом он сделал в сторону удивленного Амундсена председательский жест, недопускающий никаких возражений.

Никто из присутствовавших не решился опротестовать дерзкую выходку лорда Керзона, или заглянуть оскорбление, нанесенное почетному гостю Общества.

Между Амундсеном и Королевским Географическим Обществом по этому поводу началась перепалка, которая не привела ни к чему.

Но вот вышла в свет книга Амундсена: «Моя жизнь как исследователя». В этой книге великий путешественник, упоминая о наглой выходке лорда Керзона, между прочим говорит, что англичане (т.е. английская буржуазия) вообще плохо скрывают недовольство своими неудачами. Другими словами, что они плохие спортсмены, когда проигрывают. Амундсен толкнул в самое больное место англичан (т.е. английской буржуазии).

Это замечание Амундсена было подхвачено английской буржуазией печатно. Теперь Королевское Географическое Общество сочло себя оскорбленным «дерзкой» выходкой норвежца. Тост за собак был забыт! Королевское Общество потребовало от Амундсена формального извинения за оскорбление, нанесенное всей «английской нации». В случае неисполнения этого требования, Общество будет считать, что Амундсен не желает продолжать числиться в списках почетных членов-корреспондентов. И вот, 13 ноября 1927 г., великий ученый-путешественник нашей эпохи Рольд Амундсен через своего секретаря уведомил письмом Королевское Географическое Общество о том, что он просит больше не считать его в числе своих членов.

Так состоялся разрыв Амундсена с буржуазной Англией.

Б. Р.-Б.

УГОЛОК ФИЛАТЕДИСТА

КОЛОНИАЛЬНЫЙ БЫТ НА МАРКАХ.

Быт колониальных народов, все еще находящийся под гнетом так называемых «великих держав», — в той или иной мере отразился на почтовых марках. Перелистывая страницы альбома, отведенные маркам французских, английских, бельгийских, португальских и других коло-

гий, мы отчасти знакомимся с бытом их обитателей туземцев.

Серия марок Сенегала (рис. 1) — французской колонии в Сев.-Зап. Африке, омываемой с запада Атлантическим океаном и граничащей на востоке с французским же Суданом, — живописует отряд туземцев на окраине джунглей; вдали видны хижины; по краям тропическая растительность: баобабы, акации, масляные пальмы, каучуковые деревья. Заметим, что население Сенегала — смешанного происхождения: негрские, берберские и арабские племена; ни одно из негрских племен не сохранилось в чистоте; более значительные: джолофы, серы и тукулеры.

Берег Слоновой Кости (французская колония в Западной Африке) выпустил серию марок, изображающую туземцев, гребущих в лодке, нагруженной слоновой костью (рис. 2). Еще с древних времен слоновая кость представляла драгоценный материал для выделки предметов роскоши. В настоящее время слоновой кости (получаемой из бивней слонов) становится все меньше и меньше; она употребляется теперь лишь на мелкие вещи и украшения, благодаря способности легко поддаваться резцу и полировке (очень редко — для нужд производства; например — в работе позолотчиков).

На марке Мозамбика (одной из восточно-африканских колоний Португалии) мы видим зулуса (народ кафрского племени) среди слоновых клыков (рис. 7). Клыки, поступающие в продажу, достигают в отдельных случаях 2,5 метра длины и 90 килограмм веса. Обычно клыки изогнуты по дуге круга, хотя попадаются и двойной кривизны, напоминающие бычьего рога.

Марки Камеруна (бывшей германской колонии в Западной Африке, по вёрсальскому договору отошедшей к Франции) показывают пастухов негрского племени дуалла, купающих в Гвинейском заливе небольшое стадо буйволов (рис. 3). Племя дуалла является основной частью местного населения и принадлежит к группе негров «банту». Они коренасты и хорошо сложенны, с красноватой кожей и очень безобразными чертами лица. Как и у других негрских племен, у них существуют (в дополнение к разговорной речи) тайные сигналы, подаваемые посредством ударов барабана или хлопанья по надутым щекам.

Бельгийское Конго (1) в красочной серии марок выпуска 1923 года дает нам изображение занятых своей работой корзинщика (рис. 4) и резчика по дереву (рис. 5) и профиль мужчины из племени «убанги», населяющего низменности одноименной реки — большого притока Конго с правой стороны. Дина Убанги около 2500 км (из них 1100 км судоходны для небольших судов). Убанги открыт 19 марта 1870 г. известным путешественником Швейфур-

том, который, как и позже Юнкер, считал его верховьем реки Шари.

Рабочего-туземца, занятого промывкой золотого песка в особо устроенных для этого приспособлениях (рис. 6), встречаем на марках Гвианы²⁾ — французской колонии на северо-восточном берегу Южной Америки.

Рис. 1.

Рис. 2.

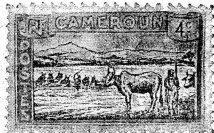

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

Рис. 10.

Рис. 11.

Рис. 12.

На марке Габона — французской колонии на юго-западе Африки, омываемой Гвинейским заливом — изображен туземный воин (рис. 8) со стрелами, в пыльном головном уборе, присущем только воинам. Изображение танцующих находим на марках островов Товарищества (архипелага в Полинезии), принадлежащих к колониям Франции (рис. 9).

Марки французского берега Сомали (на северо-востоке Африки) дают изображение араба, бьющего в ударный «инструмент (подобие нашего барабана), на фоне пасущегося стада коз (рис. 10). Сомали разделено на «сферы влияния»: британскую, итальянскую и французскую.

Негра, поднимающегося на пальму, показывает марка Дагомеи (рис. 11). Страна эта, расположенная в Северо-западной Африке, на Невольничьем берегу, также является одной из многочисленных французских колоний. Главный продукт — пальмовое масло.

Марка о. Мадагаскар (рис. 12) — прекрасная иллюстрация той эксплуатации, которой подвергают местных жителей, подлинных хозяев страны, всякого рода капиталистические пришельцы — будь то французы, англичане, голландцы. На рисунке — туземцы несут колониального чиновника. Наглядная символика.

Здесь будет кстати кратко упомянуть

2) Крупнейшим портом является Кап-енна — родина перца, одно из мест ссылки преступников.

о новом направлении, возникшем в советской филателии, о «златоустовской платформе», основателем которой явилась группа учащихся одной из школ 2 ступени г. Златоуста. «Златоустовцы» говорят: «марка — не только знак почтовой оплаты, но и документ эпохи». Действительно, одним из ярчайших документов жестокой

эксплоатации колониальных народов может послужить приведенная нами марка Мадагаскара...

А. Ч.

ПО СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОХОТА.

В январе с. г. закончилась хозяйственная перепись населения приполярной тундры, начавшаяся летом 1926 года и продолжавшаяся 19 месяцев. Перепись охватила 25 000 человек разных кочевых племен — тунгусов, остяков, самоедов, якутов и других, разбросанных на территории в 1½ миллиона кв. километров.

Для связи между участниками статистической экспедиции и для передвижения их были использованы всевозможные средства, включая «собачью эстафету» и «ледяной телеграф». Участниками экспедиции сделано (на лыжах и в санях) свыше 140 000 километров, при чем на каждую переписанную семью пришлось более 30 верст. Поэтому приполярную перепись в шутку называли «статистической охотой».

Помимо статистических данных, экспедиция привезла капитальные материалы по этнографии, флоре и фауне приполярной области.

О РАЗВЕДИИ СКУНКА.

Владивостокское отделение Географического Общества выпало из Америки несколько экземпляров скулки, которые будут пущены в новый питомник на острове Попова.

Скунок (скулус) принадлежит к семейству куньих, питается мелкими животными, птичьими яйцами, грызунами, ящерицами и лягушками. Его родиной являются американские редкие леса и пампасы.

Величиной он с кошкой, цвет меха — черный, с широкими белыми полосами вдоль боков и спины. Мех пышный, красивый и очень ценится на заграничном рынке.

Истребляющий множество мелких грызунов, вредителей полей, скулус является полезным животным.

ЗОЛОТОНОСНЫЕ ПТИЦЫ.

Жители села Кара-Чумышского, расположенного на реке Чумыш (одна из алтайских рек, приток Оби), во время осеннего сбора птиц нашли в зобах у них мелкие крупинки металла, похожего на золото. Крестьяне прислали несколько писем в Новосибирск, в которых утверждают, что по берегу реки они очень часто встречали этот металл. То же самое сообщают и жители соседнего поселка Еловки. Крайниполком запросил у Сиболота его мнение по поводу загадочного металла.

ЭКСКУРСИОННАЯ БАЗА НА БЕРЕГУ БАЙКАЛА.

Экскурсионная база берега байкаловедения приобрела в селе Лиственничном, на берегу Байкала, в 60 километрах от Иркутска, дом, в котором будет сосредоточена вся

экскурсионная работа и работа по изучению Байкала. База будет обслуживать, кроме экскурсий, всех приезжающих в Иркутск для изучения Байкала научных работников. Будут устроены научные кабинеты, ботанический сад, читальный зал, метеорологическая станция. Среди местных крестьян создана краеведческая ячейка.

РАЗОБЛАЧИТЕЛЬ ТАИН.

Краеведческая страсть докатилась до далекого севера. В с. Подкаменная Тунгуска на Енисее живет крестьянин-кузнец Алексеев. Он регулярно посылает в Красноярский музей метеорологические сводки. В течение нескольких лет Алексеев составил календарь с явлением природы, позволяющий определить, когда лучше ловится рыба, когда убирать сено и собирать ягоды и т. д. Местные рыбаки, обычно, ждут «свояго», и, когда они начинают ловить, Алексеев уже отловил, взяв хорошую добычу. Разочаровавшись в показаниях «святого календаря», многие рыбаки уже перешли на «Алексеевский календарь».

ПОЖАР, ДЛЯЩИЙСЯ ПОЛГОДА.

В камышах озера Кара-Куль (Киргизия) в июле минувшего года были обнаружены саранчухи — колоссальные отрождения саранчи. Исклнительное обилие саранчух не позволило произвести обычно практикующиеся в таких случаях затравление формалином, и для спасения посевов и трав целой губернии было решено поджечь каракульские камыши. Камыш выгорел, но пожар перекинулся на имеющиеся здесь залежи торфа, и вот уже полгода торфяные богатства непрерывно

пожигаются огнем. Как сообщают среднеазиатские газеты, о тушении пожара не может быть речи, и вся надежда лишь на глубокий снег.

ЛЕСНОЙ ЗАПОВЕДНИК В СМОЛЕНСКОЙ ГУБ.

Согласно решению Главнауки, в Бельском уезде устраивается лесной заповедник, на который отводится 55 тысяч гектаров. Из этого количества 35 тысяч гектаров занимает совершенно нетронутый лес, 20 тысяч гектаров — болота и озера. Район заповедника никем не населен. Там сохранились медведи, рыси, куницы, выдры и лоси. В центре заповедника будет построена биологическая станция.

МИЛЛИОН ИЗ ВОЗДУХА.

На «Красном Треугольнике» закончила работы специальная комиссия по обследованию опытной установки т. Окатова, обладающей свойством улавливать из воздуха пары различных растворителей: бензина, спирта, эфира и т. п.

Изобретение Окатова позволяет не только улавливать улетучивающийся в воздух бензин, но и превращать пары в чистый бензин. Себестоимость каждого килограмма бензина, получаемого из воздуха при помощи опытной установки, не превышает 10 коп.

Выяснено, что в резиновой промышленности около 90% бензина испаряется. На «Красном Треугольнике» ежегодно испаряется несколько сот тысяч пудов бензина. Изобретение Окатова может дать одному только заводу «Красный Треугольник» около одного миллиона рублей экономии в год.

Ответственный редактор В. Нарбут.

Заведующий редакцией Вл. А. Попов.

**ВСЕМИРНЫЙ
СЛЕДОПЫТ**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1928 год
на ЖУРНАЛ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

**ВСЕМИРНЫЙ
СЛЕДОПЫТ**

В 1928 г. подписка на „ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ“ распадается на 2 АБОНЕМЕНТА:

1-й АБОНЕМЕНТ (за 6 руб.):

12 № № „ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА“, ежемесячного богатого иллюстрированного журнала путешествий, краеведчества, приключений, охоты и научной фантастики. Обложка печатается в 6 красок (офсет).

24 № № „ВОКРУГ СВЕТА“, двухнедельного иллюстрированного журнала путешествий и приключений на суше, на море и в воздухе.

12 № № „ВСЕМИРНОГО ТУРИСТА“, первого специального журнала, посвященного пешеходному, полному и горному туризму как в СССР, так и за границей. Содержащиеся наиболее яркие рассказы и замечательные путевые очерки туристов: как и где путешествовать по суше, морю, озерам, рекам и в горах; интересные и дешовые маршруты; все зарисовки с натуры, фотографии и карты.

12 двойных таблиц „ГАЛЛЕЯ НАРОДОВ СССР“, изображающих характерные типы жителей, одежду, жилища, орудия производства, утварь и пр. различных народов СССР (печатается в 6 красок на посл. стр. обл. „Следопыта“).

2-й АБОНЕМЕНТ (за 10 руб.):

В этот абонемент входит, кроме всего перечисленного в 1-м абонементе, —

24 КНИГИ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ 24
ДЖЭКА ЛОНДОНА

С портретом и биографией.

Это первое общедоступное издание полного собрания сочинений популярнейшего автора нашей современности является фундаментальным вкладом в библиотечку каждой семьи, школы и клуба, изыскатель. (Все издание — 48 книг — рассчитано на 2 г. 1928—1929).

Содержание 24-х книг (романы, повести, рассказы):
Сердца трех. — Джерри Островитиний. — Майкель — брат Джерри. — Рассказы Рыбачего патруля. — Северная Одесса. — Смок-Белло. — Путешествие на „Снарке“. — Дорога. — Приключение. — Межзвездный скиталец. — Зов предков. — Белый клык. — Сила сынов. — Принцесса. — До Адама. — Алая чума. — Сын солнца. — Морская волна. — Дочь снегов. — Игра. — Первообытный зверь и др.

Всего в 24-х книгах — около 3500 страниц.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА С ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ ВО ВСЕ МЕСТНОСТИ СССР:

1-й АБОНЕМЕНТ:

на год — 6 р., на 6 мес. — 3 р. 25 к., на 3 мес. — 1 р. 75 к., на 1 мес. — 60 к.

Для подписчиков по 2-му абон. (при усл. год. подл.) непосредственно из Изд-ва предоставляется **РАССРОЧКА**: при подписке — 3 р., к 15 марта — 3 р., к 15 июня — 2 р., к 15 сентября — 2 р.

ПОДПИСКУ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ (ПОЧТОВЫМ ПЕРЕВОДОМ): Москва, центр, Ильинка, 15. Акц. Изд. О-ву „ЗИФ“.

**ВЫПИСЫВАЙТЕ
ПО ПОЧТЕ**

МУЗЫКА

БАЛАЛАЙКИ
5, 50, 6, 6, 25, 6, 75,
7, 80, 8, 65, 9, 60, 13,
15, 18, 20 и 25 р.

ГИТАРЫ
15, 18, 19, 22, 26, 30,
35, Кош. 40, 50.

МАНДОЛИНЫ
15, 19, 25, 30, 35, Кош.
40, 50, 70.

ГАРМОНИИ
35, 40, 55, 75, 90, 110,
130 и 150 р.

ГРАММОФОНЫ
50, 75, 80, 95.

ПИОНЕР. БАРАБАНЫ
15, 16, 19, 25.

ГОРНЫ
17, 19, 22, 27, 30.

Месткомм. клубам и коллективам скидки 5%. Заказы исполняем немедленно.
Заказ 2%, остальные изложенным платежом. Полный каталогированный прейскурант высылается за 2 почтовых марки.
ПОЧТ.-ПОСЛ. БЮРО
Москва, 14, Почт., инт. 1031.

НОВИНКИ!

Евдокимов. Практическая фотография, в 3 част. 354 стр. 129 рис. 3 р. 50 коп. Как получить хороший негатив. 50 коп.

Рудак. 2.000 примеров, техник, рецептов, 3 р. 50 коп.

Дедриана. Кулинария на плите и примусах, 550 рецептов и вегетарианские блюда, 1 р. 20 коп.

Фестелькова. Ветропригонител для мебели, посуды, занавесок и аксессуаров, 176 стр. 2 р. 20 коп.

Киевич. Мои вышивалки, 1 р. 25 коп.

Беломошский. Метельные вышивалки, 1 р. 25 коп.

Федоров. Домашний ремесленник, все рецепты в одной книге: платочки, старинные, токарные, отсылка деревенских изделий, кожаные, бижутерия, бисер, картонные, перчаточные, проволочные, кушачные, секаторные, токарные по металлу, пилные, луженые, никелированные, выделка овец, варка мыла, выделка цукатов, шпатель, веревки, проволочные, крамлаки, сервизные, бижутерия, гоночные, печные, малярные и штукатурные работы, детект, радиолюбитель, 3 р.

Новый рисунок для вышивки
на дереве. Около 250 деталей из 20 листов. Состав худож. Тараканова, 3 р. (с пересыл. 3 р. 50 коп.). Цены без пересыл. Высылает наложен. платеж.

Книжный магазин А.С. Степанова
ЛЕНИНГРАД, 23,
пр. Володарского, 31.

КЛАССИЧЕСКИЙ ТРУД проф. Августа Фореля ПОЛОВОЙ ВОПРОС

Краткое изложение: Происхождение живых существ. Беременность. Половое стремление. Сексуальная любовь. Историческая форма половой жизни. Половые болезни. Половые извращения. Половая гигиена. Идеал брака будущего.

Цена за оба тома с перес. 4 р. 50 к.
Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/12.
Книжное Дело „Просвещение“.

**НОВАЯ КНИГА
ДОМАШНИЙ
РЕМЕСЛЕННИК
САМОУЧИТЕЛЬ**

Всех ремесел в одной книге: платки, старинные, токарные, бижутерия, перчаточные, секаторные, пилные, луженые, никелированные, выделка овец, варка мыла, выделка цукатов, шпатель, веревки, проволочные, крамлаки, сервизные, бижутерия, гоночные, печные, малярные и штукатурные работы, детект, радиолюбитель, 3 р. 50 к.

Можно посылать мелкими почтовыми марками.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН „ПРОСВЕЩЕНИЕ“
Москва, 19, ул. Герцена, 22/12

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ
не следует изучать, применяя старые методы. Наилучший признак новейшей метод Метурьера не традиционная изучающая слов и правил. Самоучитель немецкого языка, состоящий из 100 выписок, в обработке А. Иваница, дир. Гос. Ученых Советов, высылается за 2 р. 85 коп. такой же английский самоучитель (пр. грамм.) высыл. за 3 р. 15 коп. Адрес: Москва, ул. Герцена, д. 22/12. Книжное дело „Просвещение“.

ВАЖНО для библиотек и читателей

ЛУЧШЕЕ ЧТЕНИЕ ДЛЯ СЕМЬИ ПО ЗАМЕЧАТЕЛЬНО УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦЕНЕ!

Полный комплект: литерат.-худож. и научно-популярн. журнал „30 ДНЕЙ“ за 1925 г. (3 №№), около 1.000 страниц текста и иллюстраций — повести, рассказы, стихотворения: И. Бабеля, А. Бездомного, А. Жарова, Е. Зюзили, Всев. Иванов, В. Инбер, В. Маяковского, Мих. Колюшова, Вл. Лядина, Б. Пильякова, Л. Сейфулловой, Ю. Слезкина, Вяч. Шинкова, Ильи Эренбурга и мн. друг., а также много разнообразного и интересного материала.

ЦЕНА КОМПЛЕКТА — ДВА РУБЛЯ
Количество полных комплектов ограничено. Имеется также в продаже журнал „30 дней“ за 1923 год. Комплект из 10 №№ (кроме № 1 и № 2) — РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ ЛУЧШИХ СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ высылается за 2 руб. Отдельные №№ по 30 к. Выписывающие одновременно „30 дней“ за 1925 и 1926 г. (всего 11 книг в красочных обложках, свыше 2.000 стр. интереснейшего текста, множество иллюстраций) платят за оба комплекта три рубля 50 коп. Комплекты высылаются исключительно по получению денег.

ПЕРЕСЫЛКА БЕСПЛАТНО
ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ направлять: Москва, центр, Ильинка, 15, „Зиф“

24 кн. УВЛЕКАТЕЛЬНЫХ РОМАНОВ 24 кн.

около 4.000 стр. из жизни РАЗЛИЧНЫХ ЭПОХ и НАРОДОВ

за год ЗА 6 р. в год (ВМЕСТО 9 р. 60 к.) за год

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 г. на БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

лучших русских и иностранных авторов, в новой литературной обработке, с объяснительными примечаниями и с предисловиями ФЕЛИКСА КОНА, А. В. ДУНАЧАРСКОГО, Ю. ЛАРИНА и др.

В „БИБЛИОТЕКУ“ входят популярные романы: А. Дюма — „Три мушкетера“, „Дочь Монтегю“, В. Гюго — „Человек, который смеется“, Ч. Диккенс — „Барбери-Редж“, Уэлтер Скотт — „Роб-Рой“, И. Тургенев — „Детство“, А. Франс — „Богги жаждут“, Фолбер — „Самый длинный человек в мире“, Тетмайер — „Горные Орлы“, М. Мериме — „Варфоломеевская ночь“, Г. Эберс — „Уарда“, Джованниоли — „Спартак“, Костомаров — „Куликов“ и другие.

Все 24 книги (по 160 стр. убоистого текста в каждой) в красочных обложках. „БИБЛИОТЕКА“ рассылается раз в две недели. Ежемесячно подписчики получают по 2 книги (320 стр.)

ЦЕНА КАЖДОЙ КНИГИ „Библиотеки“ в книжн. магаз., в книосках и у газетч. — 40 к. **ПОДПИСНАЯ ПЛАТА** (с перес. и дост.): на год — 6 руб., 6 м. — 3 руб. 25 к., 3 м. — 1 руб. 75 к. и 1 месяц — 60 к. Выписывающим непосредственно из Изд-ва допускается РАСПРОСЧКА годовой платы: при подписке — 3 р., к 1 мая остальные 3 р.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ (почт. переводными) Москва, центр, Ильинка, 15, „Зиф“.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ТАКЖЕ: в книосках в магазинах, „Зиф“: 1) Столешников пер. 3, 2) Ильинка, 13, и 3) Убинский пассаж, пом. 25, в провинции: в Отделениях „Зиф“: 1) Ленинград, пр. 25 Октябрь, 13; 2) Харьков, Дворец Греха, Голицынский пер.; 3) Ростов н/Д, ул. Зигельса, 10/10; 4) Киев, ул. Воронцов, 25, 5) Днепроростов, пр. К. Маркса, 18, и во всех отделениях центральных газет, в книосках на ж.-д. ст., станциях, посылается в почтовых отделениях и книосках, доставляющих корреспонденцию на дом.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ С ЯНВАРЯ МЕСЯЦА!

ПОЛНЫЙ СПРАВОЧНИК ПО ФИЗИКУЛТУРЕ

Под общ. ред. В. И. Коронянского. Одобрен Лен. Советом Физкультуры. Около 600 стр. текста. Более 100 рисунков. Личная атлетика. Школьная гимнастика. Зимний спорт. Военный спорт. Гребной спорт. Перуный спорт. Фигурная борьба. Лыжи. Джигитство. Английский бокс. Фехтование. Тяжелая атлетика. Баскетбол. Спарринг-бокс. Игры: бад-бол, хоккей, фут-бол, баскет-бол.

Цена с пересыл. 3 р. 90 к.
Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/12. Книжное дело „Просвещение“.

**Пикеры дом
Коньяк**

НАСТОЯЩИЕ И НАЛИВКИ

Каждый пригласит сам из русских водки, ристовки или ароматизированные табакиты — „BON GOUT“

Высылается набор на 12 бут. по получению перевода 3 р. 60 к. или налож. плат. Относ. снхана.

Пропс. выс. по получ. одной 8-к. мар. Тех.-Хим. лаборатор. И. П. ДАУГАВЕТ
Москва, почт. отл. 11. Солнца, 1.

ОТ КОНТОРЫ „СЛЕДОПЫТА“

Оставшиеся в небольшом количестве полные комплекты „Следопыта“ за 1927 г. (12 № №) высылаются за ЧЕТЫРЕ рубля. Отдельные № № кроме № 9 и № 11 (которых в остатке не имеется) — по 40 коп. за экз.

Пересылка за счет издательства. Наложенным платежом журнал не высылается. Заказы и деньги направлять: Москва, центр, Ильинка, 15, „Зиф“

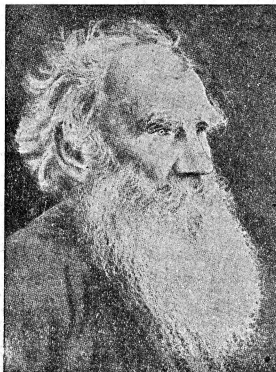

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ в 15 томах.

Томы I и XII вышли и рассылаются подписчикам

ВСЕ ИЗДАНИЕ БУДЕТ ЗАКОНЧЕНО В ТЕЧЕНИЕ 1928 года.

Каждый том содержит от 16 до 35 печатных листов (от 250 до 560 страниц), отпечатанных на хорошей плотной бумаге большого формата 14 × 21. Часть тиража выпускается в отличном коленкоровом переплете с цветным тиснением.

ВСЕ тексты произведений заново проверены по печатным и рукописным первоисточникам, сделанные цензурой купюры и искажения восстановлены по первоисточникам, тома снабжены примечаниями, выясняющими историю происхождения каждого произведения.

Это полное собрание художественных произведений **Л. Н. Толстого** является **первым и единственным** фундаментальным пороволожонным собранием, выпускаемым с внешней стороны по типу лучших зарубежных изданий.

ПО ПОЛНОТЕ И РЕДАКЦИОННОЙ ОБРАБОТКЕ ЭТО ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ХУДОЖЕСТВ. ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПРЕВОСХОДИТ ВСЕ ПРЕЖНИЕ ИЗДАНИЯ

ТЕКСТ ПРОРЕДАКТИРОВАН
К. И. ХАЛАБАЕВЫМ и
Б. М. ЗИХЕНБАУМОМ.
Примечания **Вс. СРЕЗНЕВСКОГО**.

Издание снабжено **12** портретами
Л. Н. ТОЛСТОГО

Даны важнейшие варианты всех произведений (в том числе: „ВОЙНА И МИР“, „АННА КАРЕНИНА“, „ВОСКРЕСЕНИЕ“ и др.). **Посмертные произведения:** „ДЯВЛОЛ“, „МАТЬ“, „СОН МОЛОДОГО ЦАРЯ“, „ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО“, „АЛЕША ГОРШОК“, „ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ СТАРЦА ФЕДОРА КУЗЬМИЧА“, „ЧТО Я ВИДЕЛ ВО СНЕ“, „ОТЕЦ ВАСИЛИЙ“, „ИЕРОМОНАХ ИЛИОДОР“, „ДЕТСКАЯ МУДРОСТЬ“, „ЖИВОЙ ТРУП“, „И СВЕЛ ВО ТЬМЕ СВЕТИЛ“, „ОТ НЕЙ ВСЕ КАЧЕСТВА“ и др. печатаются в XI, XII, XIV и XV тт. по авторграфам и авторизованным копиям Академии Наук СССР.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

за пятнадцать томов без переплета **15** рублей
в коленкоровых переплетах **22** рубля

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на издание в переплетах — задаток 4 руб. и при высылке шести посылок (по 2 тома в каждой) по 3 руб. Последнее три тома без доплаты. На издание без переплета — задаток 3 руб. и при высылке шести посылок (по 2 тома в каждой) по 2 руб., а последние три тома без доплаты. **Пересылка за счет подписчика.**

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ

в Главн. контуру подп. изданий Госиздата — Москва, Рождественка, 4, тел. 4-87-19, в отдел, магазины, киоски и во все почт.-тел. конторы.

КИТАЙСКИЙ КВАДРАТ ГОЛОВОЛОМКА

Интерес. Полезная научное в тренировка (Дает 60 замислов, геометр. фигур.) Высылается по получении 48 коп. мырками.
Изобр. Ля, Владивосток, 40.

Единствен. по своей легкости Общий цифер. самоучитель **ДЛЯ ГИТАРЫ** МАНДОЛИНЫ и БИМАЛАЙИ, с новыми песнями, Романсами и пр. высылается за 2 р. 85 к.
ДЛЯ ГАРМОНИИ (духтр.) такой же самоуч. с 30 муз. №№. выс. за 2 р. 85 к.
Адр.: Москва, ул. Герцена, д. 22/12. Книжное дело „Просвещение“.

ПОДАРОК МОЛОДЫМ ХОЗЯЙКАМ ДЕРЕВЯННЫЙ СТОЛ

Кулинарная книга, свыше 300 мясных и вегетарианских блюд, с приложением **МЕНЮ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ** Цена с пересылкой 95 к., налож. плат. 1 р. 10 к. Заказ направлять: Москва 19, ул. Герцена 22/12, книжный магазин **ЭЛЬЯШЕВА**.

ИЗДАНИЕ 1926 ГОДА АЛБЮМ РИСУНКОВ ХУДОЖНИКА А.А. ТАРАНАШОВА ДЛЯ ВЫПИЛИВАНИЯ ИЗ ДЕРЕВА.

30 листов большого формата (67×41 см.), в изысканной папке. Цена с пересылкой 3 р. 60 к.
Адр.: Москва, ул. Герцена, 22/12. Книжное дело „Просвещение“.

НОВАЯ КНИГА САМОУЧИТЕЛЬ

Ирройи МУЖСКОГО ПЛАТЬЯ с 73 рис. и чертежами с 1 р. 80 к., с пересылкой 2 р. Москва, ул. Герцена, 22/6. Книжный склад „КНИГОВЕД“.